

Мария Макеева

Безопасный человек

Странная история обычного
города

Мария Макеева

**Безопасный человек. Странная
история обычного города**

«Издательские решения»

Макеева М.

Безопасный человек. Странная история обычного города /
М. Макеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930860-3

Мальчик со странным именем Селен обнаруживает, что обладает уникальным даром — окружать себя «безопасностью». Поначалу он использует свой дар лишь для развлечений. Но затем, взрослея, понимает, что особенность влечёт за собой гораздо большую ответственность. Он осознаёт, что в реальном мире не всегда получается помочь окружающим. Проживая свою жизнь и пытаясь исправить ошибки, которые привели к необратимым последствиям, он встречается с потусторонним и зловещим, что проникает в его город.

ISBN 978-5-44-930860-3

© Макеева М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	55
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Безопасный человек

Странная история обычного города

Мария Макеева

Посвящаю своим родителям

© Мария Макеева, 2018

ISBN 978-5-4493-0860-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Так получилось, что во время написания, я абсолютно не предполагала, что некоторые станции метро или описанные в книге здания возникнут позднее, в моей реальной жизни (Изначально стеклянное здание Агримандара Адамида присутствовало возле станции метро Текстильщики, о чём могут подтвердить черновики двухгодичной давности. Но, сейчас я работаю именно в таком здании и именно у метро Текстильщики, поэтому пришлось спешно переписывать эти главы) Как говорится – всему виной писательское провидение...

Поэтому я просто обязана сообщить – все совпадения случайны и названия реальных фактов или вещей присутствуют не в качестве «продакт-плейсмента», а чтобы у читателя сложилось ощущение реальности.

Это небольшая история Москвы с конца 80-х до наших дней, глазами самого странного героя из всех, мною познанных.

Собственно, я сторонник реальности и мистика в книге может восприниматься аллегорией, кому как больше нравится. Мне с детства нравились такие истории, их ещё называют городскими легендами. Они помогают познавать реальность.

Я бы хотела поблагодарить всех, кто помогал мне. Моего мужа, который выискивал описки, рабочий коллектив, который верил в меня и помог обрести необходимый опыт, в том числе технический, и, конечно, моих друзей и родителей, которым я просто бесконечно благодарна.

Глава 1

Я помню только одно – лицо прекрасной девушки, стремительно приближающееся к моей физиономии. В ту долю секунды, что успел заметить – её большие голубые глаза, взрывающиеся сверху. Удивлённый и игривый взгляд фотомодели, которая обрушилась вниз обломками металла и стекла.

В тот последний тёплый день осени, помню, я решил прогуляться пешком, чтобы обдумать всё произошедшее. Вышел из автобуса на две остановки раньше, и пошёл домой по Олимпийскому проспекту, думая о том, что же изменилось после встречи с тем человеком.

Я заметил рекламный щит издали. Вернее, изображение девушки на нём, которая напомнила мне о Кире, с правильными чертами лица, призывно открытыми губами и яркими, неестественно голубыми глазами. Изображение словно выделялось на фоне всего остального, чем и обратило на себя внимание.

Изучая баннер, я заметил стоящую под ним женщину, которая, не двигаясь, смотрела в упор, словно знала меня. А я в свою очередь, пытался вспомнить момент, когда мы с ней могли познакомиться. Лица той женщины я почему-то никак не мог рассмотреть, хотя её глаза были яркими, словно плыли в дымке, которой было скрыто её лицо. Существовали сами по себе. Ещё, я хорошо помню её платье. Серое и длинное.

Поравнявшись с ней, в какую-то долю секунды внезапно осознал, что сейчас произойдёт что-то нехорошее, словно я расслышал чьи-то призрачные мысли. Голос, что звучал в голове, будто через наушники: «Падает! Она падает!»

Я инстинктивно кинулся туда. У меня не было времени выяснять, кто она такая, но зато помню единственную мысль, словно ту кто-то вложил мне в голову: «сейчас же всё рухнет!» Женщина находилась буквально в двух шагах от меня, и я просто хотел её оттолкнуть.

Услышав треск, я поднял голову на звук, увидев приближающееся лицо с баннера. А после, меня оглушил тяжёлый звенящий удар. Словно баннеру смертельно надоело взирать глазами той фотомодели на вечно пустынную улицу, и тот нашёл себе занятие поинтереснее, например обвалиться прохожему на голову.

Открыв глаза, я осмотрел разбросанные осколки, вслушиваясь в свистящую тишину. Всюду было совершенно безлюдно. В будние дни вообще мало людей гуляет по тротуарам Олимпийского проспекта. А в тот день, все словно вымерли.

Я, приподняв голову, озирался как подслеповатый крот, пытаюсь осознать, что сейчас произошло, но тут же отключился. Мне даже привиделось нечто вроде сна, я пытался бежать, но не мог, и женский голос звал за собой, который в тот самый момент звучал слишком знакомо. Затем видение прервалось, я открыл глаза, чувствуя лишь тяжесть. Уткнулся взглядом в ярко-голубой глаз, уставившийся на меня с уцелевшей части баннера, с блестящими красными каплями на зрачке, те оставляя дорожки, скатывались вниз. Я считал эти дорожки, однако в какой-то миг, сбившись со счета, уткнулся носом в один из обломков.

Что случилось после этого – не помню. Вообще, с ударом того баннера, по большому счёту, меня познакомили врачи. Я чётко помню, что было до, и не хочу вспоминать, что было после.

Глава 2

Это было неизменно. Сколько себя помню, так было всегда. А себя я помню, если память меня не подводит – с трёх лет. Конечно, в три года этого не осознавал, но становясь старше, начинал понимать, что со мной что-то не то.

Я очень хотел бы рассказать вам историю о том, что меня укусила какая-нибудь радиоактивная или инопланетная тварь, и я стал всемогущим неуязвимым супергероем, как в западных комиксах. Вполне в духе современности, но это не так.

Да, у меня был дар, если можно назвать то, чем владел я. Это было даже не даром на самом деле. «Даром», не в понимании современных комиксов. Я не выделялся умом и не изобретал вечный двигатель в средней школе, не участвовал в выставках достижений талантливых детей с прилизанными, сальными волосами (да, кстати, про сальные волосы, это уже моё личное наблюдение). Мне даже оценки ставили очень редко. Мой дар было в том, что я был, хм-м-м... безопасным.

Я пришёл в школу, как миллионы детей до этого – маленьким мальчишкой с горящими глазами. Чёрт, как же мне хотелось в тот момент, быть тем самым талантливым ребёнком. Но тогда ещё не понимал, что обладал, нечто особенным, что выделяло меня из толпы и одновременно изолировало ото всех.

Первый год отучился, ничем не выделяясь среди остальных. Поначалу меня даже устраивала людская отстранённость, к которой я привык с детского сада. Именно родители тогда взяли на себя практически все хлопоты, связанные с моей учёбой. Мне как ребёнку было поручено внимать и запоминать.

У меня не было братьев или сестёр, поэтому те уделяли моему образованию достаточно много времени. Что позволяло узнавать, как я думаю, гораздо больше, нежели моим одноклассникам по детсаду.

Родители – к началу первого года обучения, хотя я и старался каждую свободную минуту улизнуть играть во двор, – научили интересоваться и пользоваться прочитанным, годами позже это не раз помогало мне, и я благодарен им за это.

Только к концу первого класса осознал, что меня избегают. Если до этого ещё были сомнения, что во всём виновата моя собственная отстранённость, то к началу второго класса понял, что виной тому действительно я, но не по той причине, по которой считал.

Учился я легко и многое из того, чему обучали в начальной школе, к тому времени уже знал, поэтому не был активистом на уроках и ни с кем не сблизился. При должной тяге, из меня мог получиться отличник, но мне гораздо больше нравилось играть во дворе, гонять мяч и драться.

Ещё в старшей группе детского сада я выявил в себе странную тягу к насилию. Нет, не нужно хвататься за голову и винить моих родителей, просто я не боялся и чувствовал готовность дать сдачи. Хотя это и было проблемой. На меня никто не нападал. Никогда.

В этом я убедился, в тот день, когда решил подраться первым. Я вызвал «на дуэль» самого задиристого хулигана-пятиклассника, которого боялась вся младшая школа и даже дети постарше. О, нет, я не был маленьким берсеркером с мощными кулаками и необычной силой для второклассника. Я просто выбрал того, кто никогда не отвечал отказом на предложение драки. Мало того, «предложением драки» мог быть неосторожный взгляд в упор какого-нибудь зазевавшегося «очкарика» или случайный толчок на перемене. Я же ещё ничего не боялся и обладал отсутствием границ любого страха.

Я долго выжидал в поисках причины, по которой тот на меня нападёт. Парень он был крепкий для своих лет, к тому же выше меня на две головы, с вечно закатанными рукавами

форменной куртки и грязными коленкам. И, разумеется, как я сейчас понимаю, игнорировал меня как все остальные.

Я решил спровоцировать того на столкновение сам. Ни один старшеклассник не будет связываться с желторотым утёнком из начальной школы, а вот наглый пятиклассник запросто. Тот был ещё слишком маленьким, чтобы анализировать свои поступки, но был достаточно большим, чтобы понимать, что соперника из младшей школы он уделает одной своей левой коленкой.

Я подошёл максимально близко и всего один раз как бы случайно толкнул его локтем в толчее большой перемены. Этого было достаточно, чтобы тот обернулся и со всего маху завездил толкнувшего в лицо. Но никакого удара не последовало.

Я ещё не понимал происходящего и это меня не остановило. Я тотчас набросился первым, размахивая мелкими кулаками и ожидая, что задира кинется ко мне.

Движение детских ног остановилось. Я ждал его атаки и, посчитал эту остановку началом скорейшей драки, но ошибся. Вместо того, чтобы напасть на меня, пятиклассник остановился, взирая равнодушным взглядом куда-то поверх моей головы и неожиданно тихим, спокойным голосом произнёс: «Я забыл дома свой учебник по русскому». Фраза прозвучала, словно тот начал разговаривать сам с собой. А я словно, услышав, нечто плохое в свой адрес, тотчас вновь набросился на него. Его реакция меня не обрадовала, его равнодушный взгляд, в этот момент, сменился на совсем отстранённый.

Ожидая, что он предпримет попытку защититься и перейти в наступление, я после своего неумелого выпада, инстинктивно отступил назад. Но пятиклассник ответил тем, чего я совсем не ожидал – тот расхохотался. Так, словно, я только что рассказал ему самую смешную шутку в его жизни. Этот смех был жизнерадостным и совсем не агрессивным.

«Колька, стой!» – Он, перестав смеяться, позвал кого-то за моей спиной и кинулся мне навстречу. Я уже было подумал, что вот оно! Случилось. Но тот, не глядя на меня, пробежал дальше. Все шло, как обычно. Дети расходились по своим делам. Никакой драки не было и в помине.

Всё случилось довольно быстро, окружающие про меня забыли, словно я только что не пытался ударить знаменитого на всю начальную и среднюю, задиру. В любое другое время, будь это любой другой школьник – тот бы уже лежал на полу с кучей синяков и расквашенным носом. Тот мальчишка был самым задиристым хулиганом и наглецом средней школы. Но именно, в тот момент, ему было плевать на жалкого выскочку. Я был посрамлён в собственных глазах. Никому не было до меня дела, а перемена шла своим чередом.

– Эй! Ты, дебил! – Во мне вскипела ярость. Я должен был всё довести до конца. – Давай! Иди сюда! Я с тобой ещё не закончил! Сашка-какашка! Иди сюда... – в тот момент, я вспомнил все самые злые и запрещённые для ребёнка своего возраста, слова. Тогда мне казалось, что я проорал их на всю школу.

– Дерись, трус! Дурак! Иди сюда, какашка! Козёл вонючий! Я жду тебя, сегодня на пустыре после пятого урока! Эй, слышишь?!

Его реакция была не такой как я ожидал. Парень обернулся, но вновь посмотрел куда-то через меня, словно я в тот момент стал прозрачным, как бы вскользь, затем кивнул и ушёл, не оглядываясь. Будто я только что не орал тому в лицо все известные мне, на тот момент, страшные ругательства, а предложил сходить в магазин за мороженым или попросил почитать книгу.

Я остался на месте, не зная, как реагировать. Великий хаос вряд ли был хаотичнее моих мыслей: «Что он сделал? Услышал меня? Согласился на драку? Или специально сделал вид, что не заметил?»

Главное, задира совершенно не обратил внимания на мою агрессию, как будто тому было всё равно. Такого этот мальчишка никогда и никому не позволял.

Именно этот факт меня насторожил. Я вышел из оцепенения, и, придавая своему голосу агрессивную интонацию, крикнул ещё раз ему вслед про встречу на пустыре, но тот даже не обернулся на мой голос.

Мало того, в коридоре уже почти никого не осталось. Все разошлись по классам, словно я не орал благим матом только-что, прямо здесь, посередине школьного коридора на виду у всех. Даже проходившие рядом учителя не сделали ни одного замечания на мои злобные выкрики. Никого не смутило, что я ругался. Хотя, нет. Не прав. Это смутило меня. Мне стало чертовски стыдно за себя. С этим чувством стыда и с последним звонком я вбежал в свой класс.

Но и там, мне никто не сказал ни слова. Моя ругань и даже опоздание сошли мне с рук. Наверное, кого-то бы такое порадовало, но не меня. Я начал злиться и подозревать нехорошее.

Я пришёл заранее в назначенное место. Задний двор школы, где велись занятия, от основного корпуса был отделён деревьями. В глубине этой территории, заросшей берёзами, клёнами и соснами, находилась кирпичная арка. Когда-то давно та была большим складом, который сейчас пустовал. Тонкие железные двери были погнуты руками старшеклассников, которые облюбовали это место для своих тайных делишек. Я много раз видел, как туда протискивались через проём в дверях, парни и иногда даже девчонки, они курили внутри и скорее-всего занимались ещё чем-нибудь противозаконным, о чём я не подозревал, да и не хотел.

Взрослые прекрасно знали про это место и много раз пытались забить хлипкие податливые двери, но каждый раз, старшеклассники находили лазейку, чтобы просочиться внутрь заброшенного строения.

Но меня интересовала не арка, а то, что скрывалось за ней. Небольшой квадрат пустыря, где дети довольно часто выясняли отношения между собой. Я впервые пришёл туда с той же самой целью – надрать зад самому крутому пятикласснику в школе.

Я был готов к чему угодно. Быть избитым. Навалить ему «по самые помидоры». Получить от его одноклассников пару оплеух. Сбежать, сверкая пятками, в конце концов, если тот приведёт своих старших дружков. Но совершенно не был готов к тому, что меня ждало.

К тому, что никто не пришёл. Ни задира, ни его дружки, ни мои одноклассники, которые всегда были готовы посмотреть хорошую драку (чаще всего конечно детские драки были совершенно не зрелищными).

Драки в подростковой среде были едва ли чем-то выдающимся, но не было случая, чтобы мальчишки (да и некоторые девочки) не пришли посмотреть на очередной «махач». В те годы мы казались себе непобедимыми героями, хотя, выглядели по-настоящему жалко. Из нас похорошему дралась всего пара ребят, остальные выглядели самовлюблёнными клоунами. И я ничем не отличался, как оказалось.

Сказать, что я был просто разочарован, значит, абсолютно не понимать ребёнка. Я недоумевал – как так получилось, что гроза средней школы пропустил мимо ушей все мои оскорбления и даже пальцем не пошевелил, чтобы преподать мне урок?

Никому из младших классов, да и некоторым шестиклассникам не удавалось уйти от того безнаказанными, но в этот раз он совершенно не обратил внимания на такую дерзость. Что произошло? Тот никогда не отвечал на угрозы молчанием, о чём могли рассказать почти все мальчишки из нашей параллели.

Но я всё же ждал его. Ждал с мыслью, что возможно тот просто запаздывает, раздавая прощальные тумаки своим одноклассникам. Возможно, в свою очередь, именно тот пятиклассник выжидал, что это я не приду и испугаюсь. Ведь обычно никто не является добровольно на своё заклятие. Я стоял, распаяя себя злостью и не чувствуя холода. Ещё не знал тогда, что адреналин, поступающий в мою кровь из эндокринных желёз, заставляет не замечать холодного промозглого ветра.

Стоял конец октября. С неба моросил мелкий, мерзкий и колюче-холодный дождь. Серые облака скользили по крышам и скрывали высотки. Я взирал на блёклое небо, вымокая до осно-

вания. Но всё ещё ждал, уже понимая, что сюда никто не придёт. Всё было напрасно. Я оставался там до тех пор, пока к пустырю не заявила группа старшеклассников. Один из них, заметив неожиданного свидетеля, окликнул:

– Чего ты здесь делаешь, а ну, геть отсюда! – И как-то внезапно отведя взгляд в сторону, резко замолчал.

Я практически взвыл в серое небо, чертыхнулся и сбежал оттуда со всех ног. Мне одновременно было стыдно и обидно до чёртиков. Никто не пришёл со мной драться. Меня проигнорировали. Подозрения подтвердились в очередной раз. Меня не замечали или презирали? Возможно, и то, и другое. Но что было ещё хуже – я, даже при всём желании подраться, не существовал в мире того задиры.

Знаете, есть такая каста школьников – их все шпыняют, задирают и, что и говорить, часто «достают». Так вот, я не был одним из них, но себя самого, в тот момент, считал гораздо в худшем положении. Тех, по крайней мере, видели, звали по имени. Ко мне никто не обращался, словно я стал призраком. Конечно, меня никто не задирали, но возможно, именно этого и не доставало. Во мне кипела ярость, и я не мог ни на кого её выплеснуть.

В тот вечер я столкнулся с одним из таких школьных аутсайдеров – Митькой Курьяновым. Тот мне казался реально не от мира сего, таким стандартным «ботаном», высоким для своих лет, в очках, с узкими, вечно сжатыми губами. Его светлые кудрявые волосы и всегда аккуратно отглаженный синий школьный костюм были магнитом для сверстников, которые иногда дразнили его.

В тот хмурый вечер пара старшеклассников поймала Митьку возле заднего крыльца школы, что-то настойчиво требуя. Я не знаю, возможно деньги или жевательную резинку.

Я не прислушивался специально и не слышал, что там происходило. Только в тот момент, когда я пробежал мимо дерева, где стоял прижатый к стволу крепкими руками старшеклассников, озирающийся Митька, те словно забыв про него, внезапно впились взглядом в пустоту. Я видел эту резкую перемену в их глазах. Те успели обернуться на меня, но их взгляд... Он был направлен не ко мне. Не на меня, а мимо. В тот момент оба старшеклассника уставились невидящими глазами МИМО ВСЕГО, и загнанного в угол Митьки, в том числе.

Тот взирал на них, расширенными от возмущения и невозможности вырваться, глазами, но не сделал даже полшага, чтобы воспользоваться передышкой и сбежать. «Добровольный идиот» – подумал я тогда. Я был зол на весь мир, и мне было, что и говорить, пофиг даже на Митьку.

Он был старше меня на пару классов, а я был на голову ниже него. Я остановился, не собираясь никого спасать из передрыги, просто с желанием подраться, чтобы выплеснуть свою ярость и доказать всем, что существую. А затем, довольствуясь полученным фингалом под глазом, уйти домой. Я не понимал всей ответственности своего дара.

Налетая на старшеклассников, как птенец на ястребов, я зажмурил глаза, инстинктивно защищая те от удара, но почувствовал лишь холодный ветер и мелкие капли дождя возле своего лица. Открыв веки, я узрел ещё более странное явление. Митька, стоящий возле дерева, затравленно взирая вслед уходящим старшеклассникам, которые вместо того, чтобы надавать ему тумаков, а мне расквасить нос, оставался там, словно его до сих пор удерживали чьи-то руки. А подростки удалялись как-то неспешно, словно не они только что требовали от Митьки какую-то дань.

Митькин взгляд тоже был потухшим. Когда его оцепенение спало, он, отвернувшись, расправил свой пиджак и, всё также немного понурился плечи, пошёл в противоположном направлении. Никто из всей троицы не обратил на меня ни малейшего внимания.

Они разошлись каждый в свою сторону, оставив меня одного возле клёна, растущего рядом со школой. Даже его пожухлая, редкая и уже гнилая листва, срываясь с ветвей, меня облетала. Словно я был проклят.

Всё разрешилось, как-то странно и само собой. Вопрос, как это случилось, меня занимал всю дорогу домой. В конце концов, я был ребёнком, и не думал об осторожности. Углубляясь в причины произошедшего, я не заметил, как вышел на проезжую часть и, погружаясь в своё отчаяние всё глубже, шёл навстречу автомобилям. Дойдя почти до середины дороги, я только тогда понял, что наделал. Остановился посередине разделительной разметки и замер в ожидании визга тормозов и последнего удара, который прекратит моё существование.

Но вопреки моим ожиданиям ничего не последовало. Автомобиль плавно остановился в паре метров от меня, сбавляя скорость, словно перед сигналом светофора. Все последующие автомобили, проделали то же самое без гудков, и резкого визга тормозов.

Когда все приближающиеся автомобили остановились, почему-то ни один водитель не решил рассмотреть помеху ближе и не вышел из салона. Мало того, все они, по крайней мере, те, что я наблюдал в прямой видимости, продолжали сидеть на своих местах, а их взгляды были какими-то застывшими. Они пугали меня. И в тот момент, для меня замер весь мир.

Нет, всё так же шёл мелкий осенний дождь, и листва шуршала на тротуарах, я чувствовал дуновение колючего ветра, а люди шли мимо по своим делам. Никакого стоп-кадра.

Но никто из тех людей на тротуаре или этих водителей во внезапно остановившихся автомобилях, не смотрел на меня. Они все взирали МИМО, как те парни, схватившие Митьку. Этот взгляд был таким-же.

Я подумал в тот миг, что, наверное, мог простоять так несколько часов, и всё это время, весь мир вот так бы взирал мимо меня, не замечая.

В тот момент я впервые ощутил настоящий страх. Он рос откуда-то из глубины, из детских кошмаров и из этих людских глаз, не выражающих ничего. Те явно что-то видели перед собой. Но не эту осень, не меня.

Это откровение подтолкнуло. Я побежал домой, не оглядываясь, пересекая проезжую часть. На какую-то минуту я ощутил своё будущее одиночество. Я бежал лишь с одним желанием – обнять родителей и убедиться, что те меня видели.

Нашёл, как всегда, ключ под ковриком возле двери. Вспотевшими руками открыл замок, и торопливо захлопнув за собой дверь, словно за мной гонится стая диких собак, прислонившись спиной, отдышался. Дома никого не было.

Вечером, когда родители вернулись с работы, уже ничто не выдавало того страха. Несмотря на то, что я уже был им заражён и прятал, как дурную болезнь.

Но тем вечером, всё обошлось. Родители прекрасно видели меня, общались и даже отругали за недоделанную домашнюю работу. В стенах своего дома я существовал и был абсолютно нормальным.

А поутру всё начиналось по новой, я просыпался и вступал в параллельный мир призрачного существования, ещё не до конца осознавая, что со мной.

И вроде бы после того случая, больше ничего странного не происходило. Я даже начал думать, что это просто такое совпадение причин и следствий.

Я не знал тогда о существовании супергероев, но прочёл уже достаточно детской фантастики, которая была не похожа на нынешние комиксы, чтобы напридумывать себе, всё что угодно, вплоть до того, что я прилетел с Марса.

Но это было несерьёзно, ниоткуда я не прилетал, а просто продолжал считать себя хоть и странным, но ещё нормальным ребёнком. Поэтому ходил в школу, как миллионы других детей, стараясь всё забыть и ничем не выделяться. Только где-то в глубине моего разума прорастали сомнения, и моя любознательность призывала разобраться. Я хотел так и поступить, но затем случилось то, за что мне стыдно до сих пор. Я помню тот день, словно тот был, как говорится, на днях.

Глава 3

Я пытался примириться со своим страхом. Но изначально ничего не выходило, моих внутренних сил не хватало разобраться в его природе. Я понятия не имел, что случилось тогда на дороге. И сам страх, как таковой – не был причиной, меня он больше волновал, как следствие чего-то не понятного и потустороннего.

Я пытался всё забыть, не придавать этому значения, но чем больше я хотел это сделать, тем больше понимал, что что-то должно произойти.

Со стороны всё выглядело, как всегда, никто не вспоминал обо мне и той провалившейся «дуэли» с пятиклассником. Я даже «забил» на домашние задания. Всё равно меня не вызывали к доске. В те дни весь мир забыл обо мне, а мне было плевать на мир. Но вместе с тем, я боялся потеряться в нём. Исчезнуть окончательно.

Уже несколько раз с тех пор я видел, как школьники скрывались на пустыре за школой, чтобы подражаться, но каждый раз отступал, боясь сделать новый шаг навстречу. Просто ускоряя шаги, я проходил мимо, не глядя туда, боялся, что меня вновь не заметят и я, пойму, что я не существую. Но вместе с тем, под этим страхом, таился ещё один, что меня заметят, наконец, и я окажусь один на один с той неразрешимой загадкой и потеряю надежду на нечто фантастическое, что в глубине души я холил и лелеял.

Тот страх был младшим братом главного страха собственной призрачности, что я всё внушил себе сам и на самом деле ни на что не влиял. Ведь весь мир загадочности мог разрушиться, и я остался бы со своим одиночеством наедине. Тогда ещё я не хотел это потерять, как бы всё меня временами не мучило.

Иногда я отвлекался от внутренних противоречий и жил как все остальные мальчишки, но, когда разум подталкивал меня вновь проверить на деле, я тотчас ощущал волны своего знакомого страха и чувствовал некое предопределение. Словно тем самым открывал собственный некролог в газете. Я был ребёнком и таких аналогий ещё не усвоил, но уже понимал в те дни всю конечность своей жизни.

Поэтому, как только замечал даже самый маленький конфликт между школьниками или одноклассниками, сбегал с места событий, как самый обычный трус.

Я бежал без оглядки к автобусной остановке, стоял минут пять без движений, прислушиваясь к ударам собственного сердца, закрыв глаза и пропуская автобусы. Ритмичные звуки раздавались в груди и висках, а я, боясь дышать, ждал, когда те возвращались из моей головы на своё место. После чего, открывая глаза, садился на лавочку и ждал. В голове оставалась лишь пустота. И вроде бы страх отступал, но появлялись его последователи – обречённость и стыд за собственное малодушие.

В тот предновогодний вечер я, не спеша вышел из дверей школы, как вдруг, перепрыгивая через ступени, мимо пронёсся Митька, не разбирая дороги. Он пробежал так близко, что я даже ощутил движение воздуха возле щеки.

Меня удивило даже не то, как он торопился, мало ли куда спешил, а то, что тот был без шапки, расстёгнутая куртка хлопала по его бокам, а шарф волочился следом. Тот нёсся так, словно за ним гнались все демоны ада.

Я почувствовал нечто, в тот момент, когда он пробежал мимо меня, словно кто-то стоял за моей спиной, я даже оглянулся. Но через секунду уже забыл об этом ощущении. Я хотел было окликнуть Митьку, но того и след простыл. Он был уже довольно далеко и приближался к дороге.

Не разбирая, куда бежит, тот направлялся под машины. Я кинулся вслед, но на полпути меня обогнали два старшекласника. Первоначально я просто был сбит с толку, пытаюсь понять, что вообще происходит. Те мчались, сокращая расстояние до улетающего

паренька. Я видел возле дороги его светлую ушастую голову и автомобиль, который мчался прямо на него. Я не успел. Старшеклассники догнали Митьку раньше меня.

Самым странным было то, что всё это происходило молча. В животе что-то кольнуло. Обычно, когда дети гонялись друг за другом в шутку или даже с угрозой, вдогонку неслись с обеих сторон все знакомые им обидные слова.

Здесь же, оба старшеклассника были слишком сосредоточены на преследовании маленького мальчика. Словно тем не было резона что-то кричать. Они УЖЕ угрожали беззащитному Митьке.

Схватив, они потащили его обратно к школе. И что меня тогда поразило сильнее всего, тот не вырывался, словно смирился с тем, что последует позже.

В тот момент, когда вся троица поравнялась со мной, Митька, подняв понурую голову, вперился в меня взглядом. Я подумал, тот увидел меня и сделал шаг на встречу. Его взгляд был такой отчаянно умоляющий, что я крикнул: «Эй, отпустите его!». Но тут же замер, испугавшись этого взгляда. Когда он, не отрывая своих глаз, еле слышно, одними губами прошептал: «Помоги мне!» я внезапно для себя встал как вкопанный, словно его шёпот остановил меня.

Меж тем, старшеклассники, поволокли его на пустырь за школой, невзирая на то, что я находился рядом и всё видел. Похоже, им было абсолютно всё равно на свидетеля своих деяний.

И снова я был обуян страхом, что исчезаю. Всё повторялось. Только Митька ещё оглядывался и что-то продолжал шептать. Но я не сделал и полшага, чтобы чем-то помешать тому, что случилось после.

Почему те старшеклассники обратили внимание на парня, который слыл, наверное, самым безобидным в школе? Бывало, конечно, того задирали сверстники и даже ребята постарше, но старшеклассники, на моей памяти, никогда его не трогали. Среди них считалось не особо крутым избивать малолетних. Могли, конечно, подтолкнуть какого-нибудь зазевавшегося пацанёнка в коридоре, но вряд ли это могло привести к драке.

Я оставался на месте, пока те не скрылись за школой. Я понимаю и осознаю сейчас, что мог тогда помешать. Но я остался, обуянный знакомым страхом. Сквозь глухие звуки собственного сердца, я вновь стал призрачным для всего мира и как обычно, трусливо побежал к оставке. Мне в тот момент, даже в голову не пришло, что всё может обернуться чем-то дурным. Но я мог хотя бы позвать на помощь. Но сбежал, поддавшись панике, что окончательно растворюсь или ни на что не смогу повлиять. В тот день я вступил на сторону зла. Не помог. Бросил парня в беде.

Тот пару месяцев пролежал в больнице. Оба старшеклассника были отправлены в колонию для несовершеннолетних. Те сами признавались, что почти не помнят, как всё происходило. Для них этот отрезок жизни стал таким же не понятным, как и для меня.

Один рассказал, что их нанял семиклассник, которому Митька задолжал выполнение домашних работ. Митька отказывался это делать и тот решил припугнуть его, с помощью парней постарше, которых нанял за коробку импортной жвачки. Старшеклассники не планировали никого избивать. Тем более до такого состояния.

Лишь второй рассказал позже, что вспомнил момент – мужчину, тучного, огромного даже, стоявшего возле школы, который пристально смотрел на них, абсолютно молча, жутко улыбаясь, в тот миг, когда Митька уже лежал без сознания.

Его семья, после того случая переехала в другой район. Уже позже, взяв вину на себя, я попытался всё исправить. И даже как-то постепенно сдружился с ним. Но меня всю жизнь снедает это чувство вины, что я мог сделать правильный выбор. Но выбрал совершенно другой. И до последнего момента с ним жил.

Но время вспять вернуть невозможно.

Я ездил к Митьке в больницу. Пытался выпросить у него прощения. Но тот не хотел ничего слушать, был просто рад мне, как младшему брату. Тот даже не понимал, что происходит. Когда я рассказал, что струсил в последний момент, когда Митька обратился ко мне за помощью, он ответил, что меня не заметил, но рядом находился силуэт какого-то человека, лица которого вспомнить не мог. И это был взрослый. Взрослый высокий мужчина неопределённого возраста, в чёрном облегающем фигуру костюме, высокой странной шляпе, словно из 19 века и со странной изогнутой тростью в руке. Именно ему Митька кричал и взывал о помощи. Не мне. Чем вверг меня в ещё большее недоумение – ведь он не кричал, а шептал. И никакого взрослого рядом, в тот вечер не было. Ни в шляпе, ни без шляпы. И я-то знаю точно, в тот момент там был только я, и я трусливо сбежал.

Я списал его видения на состояние шока. Митьку сильно избили и мозг, скорее всего, показал какие-то моменты не так, как те происходили на самом деле. В том состоянии, могло показаться, всё что угодно.

Да, я долгие годы так и думал, пока сам неожиданно не встретил их, тех мужчину и женщину и не узнал, кто они такие. А после этой встречи, та блондинка на баннере приложила так, что моя кровь разлетелась на несколько метров.

Но тогда, до этого было ещё очень далеко. Я же пообещал Митьке, а больше – самому себе, что если так случится, и кто-то позовёт на помощь, то постараюсь не отступить. Хотя для этого мне нужно было разобраться, что со мной происходит и нужно было избавиться от гнетущего иррационального страха. Я должен был утвердиться в окружающем мире и в первую очередь, примириться с собой.

Я впервые решил прогулять уроки, чтобы проверить то, на что влиял. Разумеется, я не был настолько разумным, чтобы проверить всё каким-то иным способом, поэтому решил повторить то, что уже проделывал раньше.

В то утро я поехал в центр города, причиной этому был обычный детский страх, что родители узнают о моём прогуле. По пути я купил себе сто грамм любимых ирисок. Поедая конфеты и обходя дорогу к остановке, задними дворами, пытался скрыться от ненужных свидетелей, соседей или одноклассников, которые могли меня заметить.

Дойдя до таксофона, я позвонил в школу. Покашляв и пошмыгав в телефонную трубку, сообщил, что приболел и с разрешения матери остался на денёк дома, клятвенно заверяя, что завтра обязательно буду на уроках.

Учитывая, что за мной не водилось никаких проступков, на том конце провода секретарь директора школы сухо ответила – «конечно» и положила трубку. Думаю, та просто-напросто забыла обо мне в ту же самую секунду, как только сделала это.

При всём моём страхе, я совершенно не боялся проделать то, что задумал. Увы, нормальный человеческий страх взрослых, был мне ещё не знаком. Я испытывал какое-то животное глубинное чувство опасения за то, что со мной происходило, и чему я никак не мог найти объяснения. Позднее я прочёл множество книг, пытаюсь это изучить. Но тогда, восьмилетним парнем я был прав лишь в одном, что боялся кого-то тёмного внутри себя.

Я добрался до проспекта Мира быстрее, чем ожидал. Торопливо пересёк тротуар от остановки к обочине, и не задумываясь, вступил на проезжую часть.

Ни на секунду, не останавливаясь, громко урча, мимо промчалась «Волга». Кольнула здравая мысль, что возможно меня могли сразу не увидеть и через минуту размазать под колёсами потока машин. Другого бы человека эта мысль остановила. Только не меня. Меня лишь подстегнула.

Мои ноги в синих кедах вступили на ровный укатанный асфальт шоссе. Я огляделся и двинулся вперёд, гордо подняв голову, ступая ровно, как канатоходец, не пытаюсь вильнуть в сторону.

Лишь на миг я подумал, что сейчас всё же раздастся крик о том, что ребёнок вышел прямо под машины. Но всюду стояла тишина. Нет, обычный шум города и гвалт птиц оставался, но внезапно затихли все остальные звуки, которые составляли гул проезжей части.

Меня никто не сбил и не окрикнул. Водители, останавливая свои автомобили, не доезжая до меня пару метров, оставались в салонах, даже не пытаясь выяснить причину того, что преградило им путь.

Я видел их, те уставившись вперёд, словно продолжали движение. Они моргали, дышали, но абсолютно и точно не видели меня перед собой.

Машины продолжали останавливаться, но никто не торопил друг друга гудками, как это часто бывает при внезапном заторе. Всё происходило в непривычной тишине.

В те годы я ещё не видел фильмов про зомби, да и не знал об их существовании, но, пожалуй, это определение подходит больше всего, к тому, на что были похожи люди в салонах тех автомобилей. Их взгляд оставался застывшим, а движения – медлительными и неохотными.

Я оглянулся на тротуар. Пешеходы шли мимо. Никто не смотрел в мою сторону и не замечал ребёнка посреди дороги.

Но вместе с тем, я недоумевал тому, что все эти машины тормозили передо мной, и продолжали это делать, скапливаясь. Значит, что-то всё же преграждало им путь. Что это было? Кто? Я? Или же все они видели, нечто иное? Сколько времени я мог их всех продержать? Чем всё это можно объяснить?

Моих детских мозгов не хватало для обретенных в те дни знаний. Меня переполняли вопросы без ответов. И, к сожалению, я был ещё не готов ни с кем поделиться своим открытием. Конечно, я думал, что никто мне не поверит. Тогда я ошибочно понял лишь одно – я был неуязвим. Люди, сидевшие за рулём, находили причину, чтобы остановиться. И именно эта причина, думал я, делала меня неуязвимым.

Как только вернулся на тротуар, автомобили продолжили своё движение, как ни в чём не бывало. Никто так и не обратил на меня внимание. Я слился со всеми остальными пешеходами.

Это было просто невозможно. Мне нужно было об этом подумать, но я был слишком мал, чтобы всё анализировать и делать верные выводы. В тот день я просто убедился, что, похоже, мог помочь Митьке, создавая такую преграду перед собой.

Увы, но я ошибочно решил ничего не говорить родителям. Побродив ещё пару часов по городу, я тайком вернулся домой, избегая тех участков, где мог повстречаться с одноклассниками и мой прогул был бы раскрыт. Я снова стал хорошим ребёнком, но лишь снаружи. Я научился обманывать. Совершать идеальное преступление.

С того раза я частенько пользовался своим талантом, оставаясь незаметным для общества. Поначалу меня это ещё настораживало, но пугать перестало. Я начал испытывать удовольствие от своего странного состояния. Иногда ловил себя на дурных мыслях. Но я был ещё не готов к тёмной стороне себя. Лишь иногда по ночам мне снились кошмары. Я просыпался от собственного глубокого вздоха, но новый день приносил хорошие мысли, и я забывал эти сны.

Прошло время. Я заканчивал седьмой класс, когда к нам пришла новенькая. Та была откуда-то из Питера (Ленинграда, конечно, тогда она была ещё из Ленинграда). И в тот момент я окончательно вступил на дорогу в ад.

Конечно, ни один парень в этом возрасте, не признается, что влюбился с первого взгляда. Но химия и гормоны сделали своё дело. Я не мог отвести взгляда от неё. А та, как это часто бывает, меня совсем не замечала. Утешало лишь только одно, незаметными для неё оставались и все остальные парни.

Глава 4

Мои родители имели не самое плохое чувство юмора, но в тот момент, когда я родился, оно похоже, им изменило. И мама, и отец – оба работали в Центральном научно-исследовательском институте химии и механики. Познакомились еще, будучи студентами МИФИ. Поэтому к выбору имени, когда я появился на свет, подошли со всем своим юным задором и научными мировоззрениями.

Меня назвали Селен. Учитывая, что я родился в июле тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, а они, как уже сказал, были химиками, мне дали имя в честь ядовитого неметалла с атомным весом 78,96. С таким же успехом могли назвать меня Бром, Хром или Криптон. Но родители углядели дату моего рождения в двух цифрах атомной массы вещества. Не знаю, чем они руководствовались при подборе свойств этого самого вещества и считали ли, что эти свойства отразятся в моём характере? Но я имею сейчас, то, что имею.

На самом деле я не знаю, что действительно их подвигло, чтобы так назвать своего единственного сына. Но, мама часто объясняла свой выбор, желанием дать мне необычную судьбу. Чтобы я выделялся. Был не таким как все. И им это удалось. Корионов Селен Александрович. Да, так меня зовут. Тот момент, когда все части имени вовсю спорят друг с другом.

Я действительно выделялся. С обратным значением. Не знаю, имя ли определило мою дальнейшую судьбу, но то, что я был странным – это факт, как вы поняли.

Новенькая, приехавшая в Москву из Ленинграда, была потрясающей, на мой тогдашний мальчишеский взгляд. На что сразу же обратили внимание все мои одноклассники, включая всю параллель и даже парней постарше. Длинные, густые завивающиеся платиновые волосы с переливами. Обалденная улыбка и огромные голубые глаза. На самом деле, конечно, глаза были скорее – серые. Но цвет волос и её неизменные яркие кофточки делали те – голубыми. Поэтому, понятное дело, я влюбился по уши, насколько мог семиклассник осознавать это чувство.

Мои родители назвали бы это активизацией адреналина, серотонина и дофамина в моём организме. А для меня, она была причиной моего первого неплатонического возбуждения.

Поначалу я вёл себя, как всегда. Друзей у меня как таковых в не было, если не считать Митьку, но и враги тоже отсутствовали. (Представляю, что было бы со мной, если бы не моя особенность, при моём то имени).

Помню, я подошёл к ней, ожидая, что та не обратит на меня внимания. Опыта общения с девчонками у меня к тому времени было не так много, и тот ограничивался несколькими фразами с одноклассницами. Если не брать в расчёт, конечно, моего классного руководителя Татьяну Васильевну вместе с другими преподавательницами. Поэтому, особо не ведая, что может произойти, набравшись смелости, я подошёл к ней с предложением помочь влиться в коллектив. Иронично – аутсайдер и коллектив. О чём я только думал?

Кстати, тогда я подтвердил ещё одни сомнения на свой счёт. К доске меня почти не вызывали и чаще всего не обращали внимания. После тех случаев на дороге, я догадывался – почему. Но не знал из-за чего это происходило, то ли я сам в тот момент создавал препятствие или вообще безо всякой причины становился совершенно незаметным для окружающих.

К тому времени я догадывался, что «безопасным» и невидимым для остальных я был только в момент каких-то разногласий. Похоже, люди меня видели и воспринимали, когда рядом не было каких-то противоречий. И не важно, кто те начинал – я или совершенно посторонний человек.

Тем утром мне нужно было в этом убедиться. Я должен был узнать, до каких границ распространяется моя невидимость. Поэтому решил убить сразу двух зайцев. Познакомиться с новенькой (с замиранием сердца я думал об этом все утро) и выяснить, увидит ли та меня из-

за моего волнения. Если не обратит внимания, значит пределы моей «безопасности» не ограничивались конфликтными ситуациями. Что было бы весьма прискорбно.

Я попытался внезапно вспотевшей ладонью пригладить свои вечно торчащие волосы и даже расправил примятую рубашку. Тогда было принято заправлять рубаху в брюки. Но я никогда этого не делал и носил всегда навывпуск. В принципе это выглядело не очень стильно, как сейчас выражаются. Скорее даже неряшливо. Я совершенно не заморачивался насчёт своего вида и только в тот момент внезапно понял, насколько нелепо выглядел.

Разумеется, вряд ли новенькая ждала, что к ней ломанётся какой-то придурок, та просто вошла в класс и села на свободное место во втором ряду. Абсолютно невозмутимо. Эта спокойствие добавляло ей загадочности.

Поначалу пара одноклассниц – прежних признанных красавиц с опаской и явным осуждением взирали на вошедшую. Я тоже её рассматривал, не скрывая своего интереса, отметив для себя, что её отстранённость, добавляла ей красоты. Она явно была чужой здесь. Но именно это меня и влюбило в новенькую окончательно. Она тоже выделялась среди остальных. Манера говорить, поправлять волосы и даже двигаться – всё выдавало в ней «чужачку». Тем делало для меня ещё более привлекательной. Я еле дождался конца урока, решив подойти к той сразу, как только прозвенит звонок, и, окинув взором остальных одноклассников, заметил, что, похоже, не я один решил проделать это с первым же звонком на перемену.

В классе я сидел за самой последней партой в первом ряду. Раньше это место мы называли «камчатка», по аналогии с удалённостью географического полуострова. Обычно туда перебирались самые отстающие ученики. Я же, скрываясь за спинами одноклассников, мог еще, и заниматься своими делами, например – читать книги. Уроки я усваивал хорошо, поэтому мне было достаточно прочитать параграф, чтобы ответить на любой вопрос учителя без лишних проблем. А так как меня спрашивали очень редко, я мог спокойно отсидеть все уроки, читая Марка Твена или как позднее, Стивена Кинга.

Когда урок закончился, помню, я встал, размялся и, приведя себя в относительный порядок, учитывая общую нестабильность моего существования, ломанулся через весь класс, пытаясь обогнать возможных конкурентов, к Кире. Да, новенькую звали Кира Баталова. Среди одноклассниц – её имя тоже было необычным, как и она сама.

Похоже, я не упустил свой момент. Правда, не мог придумать ничего лучше, чем протянуть ей свою пятерню для рукопожатия. Она, посмотрев вначале на мою руку, затем на меня, подала свою. Её ладонь была тёплой и очень мягкой. Необычное ощущение. Я никогда не здоровался с девчонками за руку, не знаю, что в тот миг на меня нашло. Сильно смутился, когда та ответно пожала мою ладонь.

Диалог тогда завязался довольно простой. Но всё-таки он состоялся. Она меня увидела и мало того, посмотрела прямо в мои глаза. В тот момент я испытал катарсис. Мои подозрения не оправдались. Значит, пока не было никакого конфликта или опасности, я был в обозрении.

– Эй, привет. Ты откуда к нам?

Она, совсем не смущаясь, даже как-то расслабленно для новичка, находящегося на чужой территории, ответила:

– Привет. – Она осмотрела меня, не отведя взгляда. – Из Ленинграда. Родители переехали. – С сожалением усмехнулась. Это у неё получилось как-то по-взрослому. Так иногда усмехалась мама, когда обсуждала проблемы на работе. – Ну, а мне куда деваться? И я за ними. – В глазах мигнула эта взрослая горечь и исчезла. Она вновь невозмутимо взидала на меня. Не знаю, любой другой бы на её месте наверняка волновался в новом окружении. Тем более, когда мои одноклассницы бросали в её сторону многозначительные взгляды. Но ей было словно плевать на всё. Словно она руководила всем окружающим миром. Это было необычно. Девочки её возраста себя так не вели. В этом взгляде был виден опыт прожитых лет, чего быть не могло. Я сразу её зауважал. Новенькая держалась очень достойно. Сейчас бы сказал,

что в ней была харизма. Она притягивала к себе большинство людей, являясь прирождённым лидером.

Зависла пауза. Я уже хотел было развернуться и трусливо бежать, так как растратил весь свой запас смелости общения с девочками, как вдруг она моргнула и спокойно произнесла:

– Меня зовут Кира Баталова, приятно познакомиться.

Я не успел сказать ей в ответ ничего многозначительного и остроумного. Позже, я прокручивал эту встречу у себя в голове и, конечно, для себя самого придумывал разные эффектные короткие фразы, которые тут же сводили её с ума, и та была готова кинуться в мои объятия.

Помню, я лишь буркнул ей, внезапно теряя всякую самоуверенность:

– Селен Корионов. – Произнёс своё имя, не зная, куда провалиться от стыда. Родителей я очень любил. Те были скорее моими друзьями, нежели обычными взрослыми. Но их шутку с именем до этого времени, ещё долго не мог оценить.

– Селен? – Она сощурила глаза и мне показалось, напряглась. Но лишь на секунду. Похоже, не я сам, а моё странное имя всё-таки выбили из колеи. Помню, в тот миг поблагодарил за него всех богов и лично Менделеева.

– Это что-то химическое, по-моему?

– Да, – Всё ещё испытывая стыд, пробормотал я. – Химический элемент периодической системы Менделеева. Мои родители хорошие химики, но шутники, как видишь, не очень.

Я рассчитывал, что разговор продолжится, но, похоже, действительно весь мой запас заметности на тот день был истрачен. Она резко отвернулась и сев на своё место, начала листать учебник алгебры. Поначалу я не мог понять, почему Кира так быстро потеряла ко мне интерес, а затем догадался.

Возле учительского стола пара моих одноклассников затеяла перепалку. Рядом со мной назревал конфликт, и я автоматически перешёл в другое состояние, которое уже не мог изменить. К тому времени я разобрался в причине, но ничего не мог поделать с тем, КАК это работало.

Стоило мне только подойти чуть ближе, как оба одноклассника перестали цепляться друг к другу, и как ни в чём не бывало, разошлись по своим местам. Разумеется, в тот момент вообще все в радиусе двадцати метров потеряли ко мне интерес, в том числе и Кира.

И вроде я уже почти привык к своему «прозрачному» существованию, к взглядам, которые смотрели сквозь меня, к людям, которые готовы были расквасить друг другу носы, но внезапно впадающим в полную прострацию, но всё равно холодок ещё бежал по спине, когда я пытался понять замысел этой загадки.

Под моим «влиянием» все всегда заканчивалось спокойно и как-то неторопливо. Как будто никакой грызни до этого не было и в помине. Я предполагал, что творилось в их разуме, но не мог представить, что именно те видят перед собой в этот момент. Кого именно они обходят стороной? Кто вставал на их пути? Кто заставлял расходиться в разные стороны?

Я завёл дневник, куда записывал все случаи, которые мне удалось таким образом разрешить. К седьмому классу, не считая случая с Митькой, их набралось не меньше трёх десятков. Так что, как вы поняли, я выработал привычку и уже больше не сбегал с места происшествия.

Ещё раз, посмотрев на пустые взгляды своих одноклассников, который проходили через меня, я поймал единственный, который меня заинтересовал. Я любовался её искренней улыбкой и внезапно понял, что могу воспользоваться своим положением. Я мог добиться того, чего возжелал. На долю секунды я был готов, подойти к ней и дотронуться до её волос, но осёкся. Хотя этого было достаточно, чтобы я разделился. Во мне зародилось моё безнаказанное Альтер-эго. Темная часть, жаждущая власти над поведением людей.

Именно эта часть натолкнула меня на новую проверку. Впервые я решил использовать свою особенность в собственных интересах. Стоял солнечный май, а на носу были переводные экзамены.

«Пора всему этому поработать на меня!»
И оно начало работать.

Глава 5

Я заканчивал седьмой класс, когда Ленинград переименовали в Санкт-Петербург. Новенькую теперь все называли не иначе, как «Кира из Питера».

«Ну, знаешь, ту Киру из Питера, у неё отец ещё этот знаменитый ведущий...», «А мне Кира из Питера сказала, что нужно делать так...», «Кир, ты же та самая Кира из Питера? Слушай, а можно твоему отцу привет передать?»

Она сразу влилась в коллектив класса, и даже наши местные красавицы как-то незаметно попали под её влияние и забыли про свою изначальную агрессию. Что и говорить у той была не хилая харизма для её лет. Но что ещё Киру отличало от остальных девчонок, она всегда сторонилась любых интриг, при этом несла себя по жизни так, словно уже была королевой. Была всегда какой-то спокойной, очень уверенной в себе и целеустремлённой.

Я продолжал учиться, временами скрываясь от класса в результате мелких ссор и стычек одноклассников. Но были и ценные моменты, когда успевал пару раз перекинуться с ней словами на переменах. Но в отличие от неё, сам смущался гораздо сильнее. Поэтому, позднее, когда осознал уже свои чувства, чаще всего старался держаться подальше, даже если мне выпадал шанс пообщаться больше, чем просто: «Привет – пока». Мне казалось, что, если снова заговорю, все заметят, что я втюрился в неё, как дурак.

Хотя, сейчас понимаю, что со стороны это выглядело – полностью обратным. Словно мне одному Кира не нравилась. Я не заговаривал с ней, не подходил, и вообще был гораздо более отстранённым, чем с другими. К тому же на носу были экзамены. А я оставался простым семиклассником, который боялся проявить свои лучшие качества и чувства к девочке.

Несмотря на затаённые мысли, я занимался своими делами, через это напускное равнодушие. Я загружал себя планированием проверки своих возможностей, решая это сделать прямо на первом же экзамене.

Готовясь, я часами просиживал после уроков, в читальном зале районной библиотеки, обложившись словарями, пытаюсь выяснить, что со мной. Я изучал не математику, а себя. Я считал, что не может быть, чтобы во всём мире не было ещё такого человека с такими же странными особенностями.

Я не могу сказать, что не был готов к экзаменам. Скорее, я просто надеялся, что моя проверка позволит мне и так сдать математику. В любом случае, экзаменационной проверки я не боялся и тратил освободившееся от зубрёжки время на чтение. Изучив, насколько мог литературу по анатомии и физиологии человека, так и не разобравшись со своей особенностью, понял одно, если всё получится, я смогу быть неуязвимым и не заметным. В этот момент я осознал свою безнаказанность. И решил, что в этом главное преимущество.

Конечно, я понимал это и гораздо раньше. Но именно Кира натолкнула на мысль о каком-то положительном моменте в моей проблеме. Я пересмотрел взгляд на собственную жизнь. Если это нельзя измерить и изменить, то почему бы мне этим не пользоваться?

Экзамен начинался в девять утра. Опаздывать было нельзя, поэтому, слишком увлечшись планировками, из дома вышел гораздо позже, чем обычно, решив немного сократить свой путь до школы. За все эти годы я это уже проделывал уже неоднократно. Вначале с некоторой опаской, затем с равнодушием. В тот день, наверное, впервые я сделал это с удовольствием.

Выбежав из дома, как всегда, не заправляя рубашку в брюки, я ринулся через двор к дороге. На улице стояла майская жара градусов под двадцать пять. Для Москвы это было необычно. Но погода, последнее, на что я обратил внимание.

Я пересёк двор, прошёл по переулку и вышел к Сущёвскому Валу, спокойно ступая на проезжую часть. Мой желудок больше не сжимался от страха и ожидания, что меня собьют или окриknут. Я давно убедился, что в тот момент, когда моя нога ступает на асфальт, между

мною и автомобилями встаёт какой-то неведомый щит. Единственное помню, я тогда отметил, что машин с первого раза, как я выбежал им наперерез, стало куда больше и среди них становилось всё больше иномарок.

Автомобили, как всегда, не гудели. Водители спокойно ждали, когда препятствие уберётся с их пути. Но играя с людьми, я нарочно остановился и посмотрел на часы, которые отец подарил мне на прошлый день рождения – модные тогда «Электроника 5». Я гордился ими и постоянно улучшал минуту, чтобы, как мне казалось при этом, выглядел солиднее, посмотреть на время. Понятно, что со стороны я выглядел полным идиотом.

Отметив, что я сэкономил время перед экзаменом, шумно выдохнув, пошёл навстречу остановившимся авто. Водители тут же отреагировали и, сдавая назад, все как по команде, начали отъезжать. Я усмехнулся. Это было странно, но весело.

То, замедляя шаги, то ускоряясь, я подходил к автомобилям. А те, в свою очередь, откатывались с точно таким же темпом, который я им, получается, задавал. Словно между мной и машинами встала прочная прозрачная стена, которая, двигаясь вместе со мной, не давала приближаться.

Я прошёл около двадцати метров и остановился. Затем ещё раз проделал то же самое. Водители, уставившись в лобовое стекло, отъезжали назад ровно настолько, насколько я продвигался к ним. Я чувствовал себя дирижёром оркестра.

Я остановился снова и огляделся. Люди на тротуарах не видели того, что творилось на дороге. Словно утро продолжалось и всё вокруг не изменялось моим развлечением. Начался новый рабочий день, и прохожих было уже достаточно. Я с сожалением думал лишь о том, что никто из них не мог увидеть того, что я вытворял. Их мозг отключался или заставлял тех видеть что-то другое, но что – я ещё не знал.

Ускорив шаг, я пересёк дорогу. В тот раз я заторопился в школу с чувством полного удовлетворения. Настроение улучшилось.

Я успел. Кабинет был открыт, а на партах лежали листы с печатью для выполнения экзаменационной работы.

Пройдя к своей парте в самом конце класса, я сел вместе с остальными. Через сорок минут выполнив четыре задания из пяти, я решил действовать.

Потянувшись, разминая руки, словно я собирался сделать «сальто-мортале», создал конфликт, из-за чего, правда, испытал лёгкий стыд – мне пришлось крикнуть на учителя, который не успев отреагировать, сразу попал в мою ловушку вместе со всем классом. Я утешал себя лишь тем, что Дмитрий Николаевич – наш преподаватель математики, всё тут же забудет и даже скорее всего, не вспомнит о том, что случилось. С этим выводом, увы, я ошибался.

Позже, тот встретив меня в коридоре – отозвал в сторону и попросил больше не прыгать по классу как мартышка. На моё недоумение, он ответил, что помнит прекрасно, как я встал и вышел в ряд между партами. Затем внезапно замолчал и пробормотав, что «остальное не моего ума дело» – ушёл. А я остался стоять удивлённый, пристыженный и вместе с тем мне хотелось смеяться. Тот помнил, но не так, как оно было на самом деле. А я убедился, что люди забывали не всё.

А тем днём, напряжение создало реакцию, которая пропорционально поставила «защиту» вокруг меня. Конфликт, не успев начаться, тут же погас, и Дмитрий Николаевич потерял ко мне всякий интерес. Тот вернулся к своим бумагам, изредка поглядывая на склонившихся к партам, учеников, словно ничего не случилось.

Я встал и не спеша вышел к доске, изнутри меня инстинктивно всё сжималось, я ждал, что кто-нибудь из моих одноклассников сейчас рассмеётся в спину и закричит, что «Корионов нарушил дисциплину на экзамене!». Но совладав со своими инстинктами, я, скорчил гримасу, громко произнёс, как мне казалось, повторяя голос Дмитрия Николаевича – «Здравствуйте 7 „В“ класс!»! Затем картинно развернувшись, прошёл по рядам.

Дойдя до Киры, я остановился и заглянул в её листок. Прядь светлых волос лежала на плече. Я не сдержался, прикасаясь словно к золотому руну, осторожно провел пальцами по волосам. Кира отреагировала, тут же повела плечом, словно сгоняла севшую муху и даже подняла взгляд. Я опешил, испугался, что та меня увидит. Но она, как и все, уставившись куда-то за мою спину, сощурилась, кивнула и продолжила что-то писать на листке. К своему стыду, я снова поймал себя на мысли, что меня тянет её поцеловать. Но остановился. Не стал этого делать.

Я понимал, что не был невидимкой. Всё, что я делал, вызывало у людей ответную реакцию. Они что-то видели. Если в такие моменты я прикасался к кому-то или иначе воздействовал на окружающее пространство – все реагировали.

Я был ребёнком и не мог решиться на какие-то более серьёзные шаги, поэтому просто дурачился. С некоторым сожалением отойдя от Киры, подошёл к сопящему Кольке Колмогорову, однокласснику-троечнику, который был, наверное, вторым, после меня, самым незаметным учеником класса. И тот, похоже «плавал», выполнив всего два задания, да и те – неверно. Я помог ему. Взяв ручку со стола и, склонившись, стараясь его не задевать, начал писать.

Я решил три задания на черновике и думаю, этого хватило ему за глаза. Пытаясь повторять его почерк, тот писал большими круглыми буквами, я надеялся на схожесть, чтобы Колька решил, что всё сделал сам. Старательно выведя решения на листе я подписал в самом низу заглавными буквами – «РЕШЕНИЕ ВЕРНОЕ. ПЕРЕПИСЫВАЙ НА ЧИСТОВИК». И только после окончания экзамена, я понял, что написал их уже своим почерком.

Он тоже поднял голову, огляделся. И, похоже, что-то почувствовал. Посмотрел на свой черновик, затем уставился, привычным застывшим взглядом, и кивнул. Словно понял, что нужно делать.

Я ходил по рядам, склонялся над пишущими одноклассниками и даже ради шутки иногда менял тем листы с заданиями. Но подмена не прокатывала. Те недоумённо смотрели друг на друга и менялись обратно. Затем поднимали голову и взирали на меня. Вернее, сквозь меня. Я рассматривал их взгляды. Не смотря на схожесть признаков, все они реагировали по-разному. Одни хмурились, кто-то усмехался, некоторые, заметно было – боялись. Все видели что-то своё.

Коллизия, которую я создал тогда, была кратковременной. Я уже догадывался, чем меньше был конфликт – тем тоньше была «стеклянная стена» вокруг меня. Чем сильнее была опасность – тем дольше я оставался невидимым.

Это было цепной реакцией, причиной и равнозначным следствием. Чем выше уровень возможного конфликта, тем безопаснее становилось вокруг меня. Иногда я даже думал, что было бы, если бы оказался под атомной бомбардировкой, (Я родился во времена «холодной войны» и про ядерную опасность знал тогда каждый школьник.) взорвалась бы надо мной бомба или на земном шаре сразу же наступил всеобщий мир, как обратное следствие угрозы?

Мне, увы, в те годы, такой шанс не представился, и я скорее, просто фантазировал. Несмотря на то, что тогда уже издавалась, чаще всего «самоизданная» «жёлтая» пресса про инопланетян и «прочие Бермудские треугольники», я не верил в такой вариант событий – в то, что я посланник иных миров или планет. Возможно, если бы в СССР были комиксы, я мог бы нафантазировать про супергероев. Но тогда этого не было, а все «супергерои» в книгах, которые читал, добивались всего трудом и тренировкой.

Нет, я не чувствовал себя абсолютно всемогущим. Учитывая, что мой талант состоял лишь в том, чтобы «гасить» ссоры и драки. Я не мог взглядом передвигать предметы, силой мысли сжигать дома или выносить бабушек из горящих домов, которые получается, сам мог и поджечь. Мне нужно было всего лишь находиться рядом в нужное время. К тому же, школьные конфликты были скоротечными, и я не мог исчезать из обзора надолго.

Конечно, в такие моменты я мог делать всё, что угодно. Мог, наверное, скакать гольшом перед доской, и всё равно никто не увидел бы этих эскапад. Но меня занимал вопрос – кого бы они все увидели вместо меня? Может быть Митькиного странного человека в костюме?

Время экзамена подошло к концу, я вернулся на своё место перед самым звонком, заметив, что взгляды одноклассников больше не были ошарашенными и «скользящими», а Дмитрий Николаевич отвлекся от своих бумаг, оглядывая класс. Конфликт был исчерпан, моё влияние закончилось.

Переписав всё на чистый лист, я ещё раз посмотрел на Киру. Она улыбалась кому-то. Я ощутил острое желание сказать ей что-нибудь, какую-нибудь ерунду, и не хотел противиться своим мыслям. Забыв на ту минуту, что мог снова закричать на кого-нибудь, создав мимолётную невидимость. Но мне хотелось говорить с ней так, чтобы та видела меня и говорила, глядя на меня в глаза, а не мимо.

Я встал с места, и, не видя перед собой одноклассников, бросился туда, а добравшись до её парты, перемахнул через неё, не глядя по сторонам. Я не понимал, что творю – был слишком возбуждён предыдущей безнаказанностью, чтобы подумать об этом. Если бы один из одноклассников случайно не преградил мне дорогу я бы, наверное, не сдержался и поцеловал ту перед всем классом. Но он мне помешал. Я очнулся и вместе со стыдом вновь ощутил фантомную прядь её волос на своих пальцах.

Она вышла из класса, не взглянув в мою сторону, а я думал о том, что однажды не сдержусь и воспользуюсь ситуацией. Но тогда эти мысли вызывали во мне не телесный отклик, а некий стыд. Я чувствовал себя глупцом.

Я сдал свою работу и поспешил к выходу. Для первого раза было достаточно, чтобы я решил не плыть больше по течению. Но ощутив себя изолированным, понял, что мне был нужен друг, который разделит со мной этот опыт.

С Митькой мне удавалось общаться бесконфликтно, тот внимательно слушал и постоянно шутил, и, учитывая моё «растворяющееся» положение при любом конфликте, с ним у меня почти никогда трений не возникало, поэтому подумал в первую очередь о своём друге. Конечно, тот до сих пор не верил моим рассказам, а мне и голову до сего момента, не приходило доказать всё на практике. Я так боялся потерять наше с ним общение, что как только хотел что-либо оспорить, тут же сам прекращал.

Во время того экзамена мне в голову пришла простая мысль, что нужно обязательно всё показать Митьке. Конечно, это была лишь теория. Но я надеялся, что всё сработает, как задумал. Надеялся, что мне удастся втянуть друга в свой мир. Я размышлял тогда лишь о собственной удаче, не думая, что втягиваю того в бездну за собой.

Я думал только о том, что больше не хочу оставаться один.

Глава 6

Митька жил на другом конце города, поэтому если мне нужно было с ним переговорить, я мчался через пол-Москвы. Не скажу, что встречаться у меня было для него проблемой, но здесь я руководствовался собственным резонансом. Чтобы дойти от метро до Митькиного дома я пересекал несколько участков, где довольно часто натыкался на разборки. Тем самым тренировался в контроле поведения людей.

Было самое начало 90-х, время весьма беспокойное, но со мной до сих пор ничего не случилось. С родителями я не конфликтовал. Если о чём-то спорил, мой талант не включался, родители никогда не угрожали мне.

Сдав все экзамены на «четвёрки», я был свободен и частенько катался к Митьке с собственными эгоистическими интересами. Но так и не нашёл момента, чтобы посвятить его в свою тайну. Каждый раз откладывал, боясь напугать. После очередного отложенного разговора, я удручённо думал, что упускаю нечто важное. И наконец в один из дней решился.

Митька был старше меня на два года и уже заканчивал девятый класс. Мне нравилось чувствовать себя с ним, каким я был. Не скрываясь. К тому же он знал куда больше, чем я. Поэтому я черпал многие знания из его кладези размышлений и каких-то фантастических идей. Я воспринимал его, как старшего брата, и он как никто другой мог мне помочь разобраться с этой проблемой.

Позвонив с домашнего телефона, я договорился, что подъеду к вечеру. Он целыми днями готовился к экзаменам, и в отличие от меня всё ещё их сдавал. Сроки сдачи в старших классах тогда были другими и отличались от средней школы.

Около шести часов вечера я вышел из метро на Авиамоторной улице и пересёк Шоссе Энтузиастов, как всегда, по проезжей части. Экономя время и расстояния я часто бежал, не дожидаясь сигнала светофора, эгоистично полагая, что всё равно мне ничего не будет. Машины, пропуская меня, снова возобновляли движение.

Это стало уже обыденным. Даже такие широкие трассы, как Шоссе Энтузиастов меня не смущали. Не оборачиваясь, оставаясь незаметным для всех, я полагал, что не нарушал ничего спокойствия. Но, как всегда, ошибался.

Будь у меня смартфон, никаких бы иных доказательств не потребовалось. Но тогда я бежал с намерением показать единственному другу, причину того, с чем я столкнулся. Что оставалось необычным и наверняка ещё неизученным наукой.

Я бегом нёсся по Авиамоторной к новому Лефортовскому рынку. Так называли местную «толкучку», где можно было продать или «толкнуть» какие-то вещи, а также купить постепенно заполняющее страну стараниями продавцов-«челноков» польско-турецкое барахло. Та, не смотря на небольшую площадь, уже стала криминальным сборищем. Ради этого рынка я и мчался к Митьке, чтобы, как говорится совместить приятное с полезным.

В этот раз, как в прочем и в другие, долго ждать не пришлось. Двое подвыпивших мужчин возле рюмочной, что-то поделили между собой и явно собирались подраться. Один уже замахнулся, но не успел я подойти, как оба с потускневшими глазами вместо того, чтобы ринуться друг на друга, пересекая точку соприкосновения, опустив руки, медленно, действительно словно зомби, разбрелись в разные стороны.

Я усмехнулся. Сейчас такое поведение людей меня чаще смешило, нежели пугало. Я развлекался и недоумевал после, почему раньше так этого боялся? Разве не было комичным, когда два разъярённых человека, с красными лицами и вздувшимися на висках, венами, внезапно становились кроткими, как овечки.

Сейчас я, конечно, понимаю, что за страх отвечал собственный инстинкт самосохранения и тот был прав. А тогда, я решил, что мне больше можно было не ходить в кинотеатр на коме-

дии. Эти люди выглядели, как ковбои из фильма «Человек с бульвара капуцинов», нелепыми, внезапно подобревшими, оставаясь при этом тем, кем были на самом деле – злобными алкашами, желающими драться по любой причине. Каждый раз пресекая подобные драки я думал «Как жаль, что Митька этого не видел». Как никто не видел в целом мире. Но да, тогда я ошибался. За мной всё это время наблюдали.

Придя к другу, я первым делом сообщил, что сегодня пересёк Шоссе Энтузиастов в самом широком месте. Тот, как всегда, хохотнул: «шутка, если её постоянно повторять, становится не смешной». Разумеется, я на него не обижался и осознавал сам, что вряд ли бы поверил в подобное.

– Хорошо, я попробую тебе показать. – Придав своему голосу твёрдости, я почему-то был уверен, что Митька тут же поверит.

– Ой, да ладно, Сел. Ну, хватит надо мной прикалываться. Ты прекрасно знаешь, что согласно теории вероятностей тебе могло просто повезти. Но ПДД для того и существуют, чтобы такие лоси как ты не бегали по дороге. Слушай, у меня тут есть...

– Да Мить, – перебил я его – Эта твоя теория изначально вообще строилась на эмпирических утверждениях, а не на фактах.

– Ты хочешь сказать, у тебя есть факты? – Он добродушно прищурился, внимательно всматриваясь в мои глаза. Видимо пытался выяснить, шучу я или говорю серьёзно.

– Да, есть, пожалуй. Вспомни, когда после изби... – я тут же поправился, мне стало стыдно, что вспомнил тот случай – ...после нападения ты видел вместо меня какого-то мужика в шляпе. Скажешь, тебе он привиделся? Разве не ты постоянно уверял меня, что видел именно его?

– Да, именно так какое-то время думал. Но затем, ты оказался прав, уверяя, что это всё мне могло показаться. Знаешь, думаю, именно так и есть. Я знаю, что это можно научно объяснить, а ты сейчас меня стараешься разуверить в обратном. Мне тогда здорово надавали звездюлей по черепу, и мог привидеться кто угодно. Хоть президент на белом медведе.

– Нет, именно тогда я был как раз не прав, Мить. Вернее, именно тогда ты стал свидетелем странного, сам того не понимая. Тогда что-то произошло не только с тобой, но и со мной. И тот человек, которого ты видел, мог быть результатом... ну, не знаю... чего-то необъяснимого. Поэтому мне нужна твоя помощь! Со мной что-то происходит, Мить! Ты должен помочь мне разобраться! – Я выпалил почти всё на одном дыханье. В самом начале слова приобрели просительные ноты, а когда я закончил, внутри зародился какой-то шторм. Я сам осёкся. Похоже, я хотел его убедить. Во что бы то ни стало. Я не желал, чтобы тот сомневался.

– И хоть мне ни разу не прилетало по черепу, я знаю, что ты там что-то видел. Точно. Не меня. Не президента на медведе. И сейчас я тебе докажу. Собирайся, Мить. Нам надо выйти.

Я понял, что мне не удалось развеять его сомнения, и он согласился только для того, чтобы я не распалялся дальше.

– Ладно, Селен, тебе бы книжки писать. Ну, давай, показывай, свои «эмпирические факты». – Он махнул рукой.

От его дома до Шоссе Энтузиастов было около полчаса ходьбы. Не смотря на мой настрой, чем ближе мы приближались, тем страшнее мне становилось. Этот страх был похож на тот, самый первый – что, если не сработает? Что если я угроблю под колёсами автомобиля не только себя, но и собственного друга? Что если сработает, но не так, как я предполагал, и Митька отреагирует так же, как все остальные? Что если вообще всё пойдёт не так?

До этого момента я не переживал. Вообще не умел этого делать. НЕ думал ни о родителях, ни о себе. Сломя голову выбегал на проезжую часть. Не боялся смерти. Но сейчас, когда мой друг пошёл за мной, я впервые почувствовал груз ответственности за другого человека.

Но отступить было поздно. Если бы я в тот момент отступил, это могло бы всё изменить.

Мы подошли к перекрёстку. Машин в те дни было гораздо меньше, чем сейчас, но этот участок шоссе даже тогда в часы пик был загруженным. Поэтому без своего «дара» я не прошёл бы и пяти метров.

– Ты готов? – Я посмотрел на него и махнул головой в сторону дороги.

Он смотрел на меня расширенными от недоумения глазами:

– Что? Ты хочешь идти ТУДА?

– Да, – коротко ответил я, кивнув. – Да, тебе просто надо пойти за мной и быть как можно ближе рядом. – Я решил, что самой лучшей идеей было максимально приблизить к себе Митьку, ошибочно предполагая, что тот попал в некое поле, за мою «стеклянную стену» автоматически станет свидетелем того, что видел я сам.

– Селен, ты с ума сошёл? – Он даже инстинктивно сделал шаг назад. – На самоубийцу ты, вроде не похож. Ты издеваешься?

Я заволновался, что сейчас Митька рассердится и тогда на сегодня всё будет кончено. Он просто меня не увидит, и кто знает, как это повлияет на нашу дружбу.

– погоди, Мить, стой! Пошли со мной. Пожалуйста, доверься мне. Иначе у меня не получится. – Я сжал его предплечье чуть выше локтя, потянул за собой. Как оказалось позже, именно это помогло мне – то, что я взял его за руку.

Осторожно переступив бортик проезжей части, мы пошли. Мы продвинулись не далее, чем на три метра, как, выдернув руку из моих похолодевших от волнения пальцев, Митька в два шага вернулся на тротуар:

– Нет, знаешь, я – пас. Селен, ты безумный. Мне не нравится эта игра. Ты полностью оправдываешь своё имя. Нестабильный эле...

Помню, что перебил его в последней надежде убедить, – Мить, мне сейчас очень нужна твоя помощь и, если ты мне не доверишься, я не смогу с этим жить. Просто свихнусь. Ты единственный, кому я решил это показать и мне нужно что бы ты увидел.

Не знаю, эти ли слова были решающими или он увидел мой безумный взгляд, может быть, даже сам заинтересовался, но в любом случае, Митька поборов свой страх и недоверие, согласился.

Мы вернулись к дороге и случайно обменялись взглядами, в которых читался один и тот же вопрос: что, если не получится? Я сжимал его руку так сильно, что наверняка тому было больно, но ни он, ни я не обратили на это внимание. Я лишь глупо и виновато улыбнулся.

Мимо нас пронёсся «Опель Сенатор», и Митька, проводив его ошалелым взглядом, вновь остановился.

– Всё нормально! Пойдём. – Я дёрнул того за руку. Мы двинулись дальше. Как назло, поток машин внезапно прекратился. Я чувствовал, как растёт Митькино раздражение и напряжение. Да я и сам паниковал, словно потерял вектор и не знал, делаю всё верно или совершенно неправильно.

Мы дошли до разделительной полосы, не встретив ни одного автомобиля. Я подумал, если так случится, что машин больше не будет, я хотя бы покажу ему людей на тротуаре – это же тоже что-то должно означать? Уже сделал вдох, чтобы указать в ту сторону, как вдруг издали показалась красная точка, которая, стремительно приближаясь, обретала черты красного «Москвича 2141».

Тот, похоже, и не думал останавливаться. У меня вновь всё похолодело внутри, желудок вжался в диафрагму, и стало нечем дышать. Не представляю, что в этот момент чувствовал Митька, я так и не успел пронаблюдать, как изменилось его лицо. Замер и думал о том, что кто-то в эту самую секунду выключил мой «дар» и всему наступил конец.

В тот день я впервые столкнулся с ощущением неминуемой гибели. Осязаемой и неотвратимой. Не неожиданной, а предопределённой. Это ощущение во второй раз я испытаю гораздо позже. Тогда просто остановился и ждал.

Но автомобиль, неожиданно резко сбавляя скорость, затормозил от нас буквально в паре метров. Я всё это время не дышал. Шумно вдохнув, осознал, что продолжал сжимать Митькино запястье, оставляя вдавленные отпечатки своих пальцев.

Ничего не случилось. Ничто не могло причинить мне вред. Наконец, набирая полную грудь воздуха, смог восстановить дыхание. Повернулся к другу. Тот стоял с ошарашенным видом. Нет, он был не просто испуган, а полностью выбит из колеи своего научного «ботанского» мира и словно воочию увидел всадников Апокалипсиса, скачущих с облаков на землю с приземляющейся летающей тарелкой, наперегонки. Ни у кого больше я никогда не видел такого лица. Оно выражало весь спектр самых максимальных человеческих эмоций. Но самым главным было то, что при этом я не исчез из его поля зрения.

Осторожно разжимая сведённые от напряжения пальцы, я остановился. На запястье Митьки остался заметный красный след. Он обернулся и прошептал:

– Чёрт, Сел... Почему? Почему он нас не сбил? – Он уставился в застывшее лицо водителя красного «Москвича». За которым уже следом скапливались другие автомобили. – Что здесь происходит? – Митька прошёл вперёд, обойдя «Москвич» с левой стороны, всматривался в пассажиров, чьи взгляды были такими же застывшими. – Это ты? Ты остановил всё?! – Вновь обернулся, махнул рукой – Мы сейчас здесь? Или ты остановил время? Что это? Какие-то пространственно-временные скачки, как у Уэллса?

В горле пересохло, я сглотнул слюну, пытаюсь его смягчить.

– Нет, я не останавливал ничего, посмотри на тротуар.

Там всё так же сновали люди. Вечерело, закат обретал свои багровые оттенки. Конечно, время не тормозилось, шаг прохожих ни на секунду не замедлялся. Всё двигалось в том же ритме, как всегда, быть может, даже слегка ускоряясь к вечеру.

Но автомобили на дороге оставались неподвижными. Подъезжая к перекрестку, где мы стояли, неспешно тормозили и ждали. Страх прошёл. Я испытывал торжество. Я был даже горд собой, что задуманное получилось даже лучше, чем ожидал. У меня был свидетель, и тот видел всё моими глазами!

Митька послушно повернул голову за моей рукой. С его лица не сходили эмоциональные перегрузки. Я не знаю, о чём мыслил он в тот момент, но когда вновь повернулся, смог только прошептать:

– Что происходит? Почему они нас не замечают? Что это? Селен?

– Это я пытаюсь выяснить. – Я уже успокоился. Вновь обрёл своё равновесие и уверенность. – Машины останутся, пока я не уйду отсюда. Я тебе об этом неоднократно рассказывал – торжество прорвалось наружу, думаю, Митька его почувствовал. – Я всегда в полной безопасности. И не знаю, создаю её для себя или для других тоже. Понимаешь, стоит мне где-то появиться, там не происходит вообще ничего плохого. Вот о чём я постоянно тебе твердил. Теперь ты признаешь, что я был прав?

– Да, чёрт! Ты был прав, Сел. Но как это работает? Как это всё может быть? – Похоже, он тоже свыкся и почувствовал себя лучше. Маска актёра театра Кабуки сошла с его лица.

– Я не знаю, Мить. Я даже не уверен, что в этот момент не сплю. И твой парень в шляпе... Кто он? И когда он появляется? Как всё это связать и понять?

Перед нами кроме красного «Москвича» скопилось уже достаточно автомобилей, чтобы не считать всё происходящее простым совпадением. Никто не гудел, не подгонял и не орал на нас, «чего мы выперлись на проезжую часть».

Я кивнул:

– Пойдём. Думаю, на сегодня с тебя достаточно. – Несмотря на его замерший вид, тот словно ждал моей отмашки – понёсся к противоположной стороне с такой скоростью, что я еле за ним поспевал.

Движение возобновилось. Пытаясь отдышаться, я спросил:

– Ты хоть немного понимаешь, что со мной происходит?

Он помотал головой и медленно поднял глаза.

– Даже не представляю, как это анализировать. С тобой такое постоянно случается? Всё именно так?

– Да. Всё именно так. Пожалуй, только первый «Москвич» сегодня резковато затормозил. Обычно более плавно. Может из-за того, что я не один?

Если честно, я сам не знал, как правильно реагировать в тот момент. Во-первых, я избавился от груза тайны. Во-вторых, почему Митька не был задет воздействием моего «дара» находясь вблизи от меня? Потому что был просто рядом? Значит, я мог показать это любому? И эти люди были бы в такой же безопасности?

Митька, словно пробежав 10 километров, остановился и тяжело дышал нагнувшись, опираясь руками о колени. Похоже, осознание ему давалось с большим трудом.

– Ну, ты старик, даёшь! – Выдохнул он, выпрямляясь. – Только давай обратно пойдём через подземный переход. Это были, конечно, непередаваемые ощущения, но, похоже, второй раз я такое за сегодня пережить не смогу. Я верю тебе, Сел. Но всё это слишком странно, я даже не могу сообразить, какие известные науке теоремы могут объяснить ЭТО?! – Мы переглянулись, скорее всего, подумав об одном и том же: никаких теорий на этот счёт не существовало.

– Да никакие, Мить. Я не знаю. Это просто есть и всё. Как данность. Я это называю – «дар» или «стеклянная стена», или «воздействие». Чёрт, я даже не знаю, можно ли вообще это как-то назвать. Нужен мозговой штурм. Может вместе мы сможем разобраться?

– Хорошо, Сел. Завтра у меня последний экзамен. Даже не знаю, осталось ли что-то в моей башке после того, что ты мне показал, но давай я обмозгую и позвоню тебе послезавтра. Потом будем решать, что с тобой делать. – Он замялся, – И что, ты реально проделывал всё это неоднократно? И тогда, на Пустыре? А тот парень в цилиндре?

Я кивнул: – Не знаю, кто он. Возможно – действительно бред, а может быть, и он существует. Я сейчас ни в чём не уверен. – В полном молчании мы спустились в подземный переход. Митька всё время озирался на меня, и его лицо выражало страх и недоумение. Выйдя наверх, снова поймал себя на том, что сдерживал дыханье почувствовав, что не хватало воздуха.

– Да, надо подумать... – Ещё раз повторил Митька. – Короче, Сел... жди звонка и пока не делай ничего такого... безопасного. – Он подал руку для рукопожатия. – Давай, покеда, Сел. И как доберёшься домой, обязательно звякни.

– Не волнуйся, Мить, знал бы ты, сколько раз я это проделывал. – моё дыханье восстановилось, когда я пожал ему руку. – Поверь, со мной никогда не случится ничего плохого.

– Нет уж. И хоть я тебе верю, чёрт... да что за ерунда! Конечно, я тебе верю. – Его голос зазвенел – Но думаю, давай, пока не разберёмся, ты больше не будешь предпринимать никаких скоропалительных действий. Хорошо?

Я кивнул, махнул ему рукой и побежал к метро. Конечно, я понимал. В конце концов, в тот день ему было гораздо труднее, чем мне. Его мир изменился, мой оставался таким-же, как и всегда. Но мне нужно было всё обдумать и решить, что делать дальше. Не нарушилось ли нечто в тот момент, когда я был с Митькой? Какие законы физики или биологии за это отвечали?

Не смотря на свою начитанность и рассудительность, я не был гением и не знал, в какой области наук нужно искать ответы в первую очередь.

Я вернулся домой только к девяти вечера. Родители уже ждали, и мама заметно нервничала. Я хорошо помню выражение маминого лица, когда та волновалась и сердилась. В такие моменты она обращалась Герой, глаза метали молнии, а я лишался сладкого до самых выходящих.

– Мам, всё хорошо. Я был у Митьки Курьянова. Ты же знаешь, я туда-обратно... Пока допрёшь до Лефортово... – Взглядом скользнул на своё зеркальное отражение. С мыслью: «Ну

и рожа у тебя, Шарапов!» увидел свои наэлектризованные, торчащие волосы, мятую рубашку и покрасневшие глаза. Моя мама была очень красивой женщиной. Отца, все коллеги прозвали «Шаляпин», за его статность и русую густую шевелюру. В кого я такой уродился, ума не приложу.

Быстро чмокнув маму в щёку, прежде чем та превратится в древнегреческую богиню, ещё раз глянул на отражение, на ум сразу пришла Кира. Но я знал, как та отнеслась бы к моему виду. Никак.

Но мысли об однокласснице заставляли моё сердце стучать чаще, а руки – становиться теплее. Определённо во мне начинала вырабатываться какая-то химия при воспоминаниях о ней.

Из омута этих мыслей меня вывела мама. Над ухом раздался, заметно потеплевший голос.

– Эй, иди уже жуй! А то, похоже, ты скоро совсем перестанешь есть и окуклишься. Кто будет набирать мышечную массу?

Долго уговаривать не пришлось. Проснулся волчий голод. Но я задержался, вспомнив про обещание позвонить.

– Привет, Мить. Я дома, всё нормально.

На том конце провода раздался треск и возбуждённый Митькин шёпот.

– Сел, я не знаю, что с тобой происходит, но у меня есть одна идея на твой счёт. После-завтра встретимся и поговорим.

Глава 7

Всё следующее утро я размышлял, что придумал Митька. И не смотря на своё обещание, я вовсе не собирался смиренно ждать, когда наступит «Час Ч». Я повалялся немного в кровати, и когда, открывая полусонные глаза, уставился в зеркало большого шифоньера, меня осенило – может я не «влиять» на человека, когда к нему прикасался и тот мог наблюдать вместе со мной за окружающим безумием? Перед глазами пронеслось воспоминание – красные следы от моих пальцев на Митькином запястье.

Но в те дни я ещё сомневался, поэтому, не дожидаясь Митькиного решения, торопливо позавтракал, выбежал на улицу, чтобы удостовериться, что вокруг меня по-прежнему ничего не изменилось.

Солнце уже нагрело асфальт. Несмотря на раннее утро, стояла жара. Я остался в одной белой футболке, которая сливалась с цветом моей кожи. Это тоже было моей особенностью, моя кожа была очень светлой, несмотря на тёмные брови и волосы. Прямо скажу, я не был похож на какого-нибудь красавца-киноактёра, по которым девчонки сходили с ума. При этом я никогда не мог загореть, хотя бы до чуть покрасневшего состояния, а тот загар, что появлялся, моментально сходил, возвращая тело к изначальной бледности. Поэтому 11 месяцев в году моя кожа была цвета любимой маминой чашки, привезённой какой-то делегацией из дружественного социалистического Китая. Та была кипенно-белого цвета.

До встречи с Кирой я даже не заморачивался по поводу как выгляжу. Но после, стал иногда приглядываться в отражение, осознавая, что мне было далеко до девчоночьего звания: «симпатичный». Я был бледным и худым. И когда в своих фантазиях я ставил Киру рядом с собой, во мне тут же включался блокиратор, который не давал фантазировать дальше. Словно это зависело не от меня.

До этой встречи я не был в восторге от разных, как я их считал, девчачьих сказок, типа «Золушки» или «Красавицы с Чудовищем». Но жизнь имеет свои планы и поставила меня в такую реальность, где подобные сказки стали возможны. Утвердив в роли нехорошей, злой стороны. Я точно был чудовищем.

Видимо, предугадывая это, в далёком детстве я просил маму читать перед сном не эти сказки, а статьи из Большой Советской Энциклопедии. Нет, не потому что я был умным и сверх-образованным вундеркиндом. Но попробуйте сами открыть БСЭ или Брокгауза и Эфрона, там действительно полно статей, которые понравятся вашим детям.

Причём, мама статьи не просто читала, а тут же интерпретировала, без изменений фактологической стороны, превращая те в увлекательные истории, полные приключений. Я обо-жал эти вечера, когда она, сидя на краю моей кровати, раскрывала передо мной двери в фантазию. Жаль, что это случалось не так часто, как бы мне хотелось. Родители допоздна работали в НИИ, и я засыпал раньше, чем те приходили домой. Возможно, поэтому привыкнув к моей самостоятельности, родители полностью доверяли мне.

Поэтому в ту пору, смирившись с собственной непривлекательностью, я сосредоточился на изучении своей особенности. И «Кира из Питера» вылетела из моей головы на некоторое время.

Пробежав всё расстояние до Шереметьевской улицы, я хотел успеть проверить свой план до того, как Митька позвонит и расскажет свои предположения. Словно решил попрощаться со своим одиночеством.

Я остановился в нескольких метрах от кинотеатра «Гавана», обращая внимание на его обветшалый вид и на афиши, которые в те времена ещё рисовались от руки. На глаза попала афиша к «Двойному Удару» с Жаном Клодом Ван Даммом. Решение пришло сразу. «Пора

попробовать немного сэкономить», подумал я и направился к кинотеатру за расписанием. Мне повезло, утренний прокат этого фильма был ограничен, а мне попался именно утренний сеанс.

Помню, в тот год из нашего района сформировали муниципальный округ «Марьина Роща», и я целыми днями проводил на улице, думая, что же после этого изменилось. Наш район в начале девяностых, не смотря на близость к центру, был достаточно тихим и спокойным местом. Поэтому я какое-то время беспечно разгуливал, не боясь встрять в проблемы, даже подсознательно надеясь, что в них встряну и заодно проверю свои способности без поездки к Лефортовскому рынку.

Я выбрал сеанс на одиннадцать утра. Словно какие-то внешние силы, в которых, к слову, не верил, были мне благосклонны. Я завернул за кинотеатр, и дождался сеанса в парке через дорогу. Качался на детской качели, не скрываясь, но и не привлекая к себе внимания.

К началу фильма я начал испытывать лёгкий стыд, который отзывался дрожью в пальцах. Фильм шёл под значком – «детям до шестнадцати», но волновался я не поэтому. Мне было всё равно, что могли там показать. Мне было стыдно, что я собирался пройти без билета, хотя «мелочь» всегда была в кармане.

До этого я никого всерьёз не обманывал и не совершал каких-то действительно дурных поступков. Если не считать нарушений правил дорожного движения. Я никогда не брал чужих денег и не пользовался в корыстных целях своим «даром».

А это было сродни краже. Я сомневался и словно уговаривал себя не делать этого. Одна часть меня предлагала развернуться и уйти. Или купить билет на следующий сеанс. Но другая, более уверенная (которую позднее назвал своим «Альтер-эго» или «тёмной частью»), заставляла не отступать и проделать нечто «эдакое», нечестное. Повеселиться. Воспользоваться и обмануть всех. И эта часть меня, в то утро была гораздо сильнее той, что испытывала стыд.

Я остался стоять возле входа в кинозал, словно у меня был билет. В свои четырнадцать, по росту я вымахал на все двадцать. Поэтому в мою сторону никто не бросал подозрительных взглядов – по какой причине ребенок находится здесь. Начиналось лето, многие студенты заканчивали учёбу и ходили в кино во время перерывов в сессии. Я сливался с их толпой.

Приближалось время сеанса, я крутил головой, высматривая возможные конфликты, и вроде как оправдывался перед собой, что не стану зачинщиком, а просто воспользуюсь ситуацией. Фойе было заполнено почти до отказа, возможно, потому что всем было интересно, увидеть отличный боевик на большом экране, а я всматривался, надеясь увидеть того, кто проведёт меня в зал.

Но он не появлялся. Всё было тихо. Не сомневаюсь, что, если бы кто-то начал драку, я бы немедленно заставил его прекратить, а то и вовсе забыть обо всём. Но при этом тот человек мог дать мне шанс не совершать своё первое преступление. Но нет, как назло, все стояли тихо, и никто не создавал неприятностей. Словно сама судьба подталкивала, чтобы я взял всю ответственность на себя. Может в этом была некая справедливость, раз я пользуюсь ситуацией и наслаждаюсь бесплатным кинофильмом, то должен за это заплатить хотя бы своей совестью?

Позже я превращусь в «Шварцевского Дракона» именно поэтому. Я много раз буду совершать сделки с совестью. Но это будет потом. Тогда я не придавал этому значения. И первая из мириад последующих, настоящая сделка с совестью открыла для меня другую сторону этого «дара».

Наконец, устав ждать невольного зачинщика, я выхватил взглядом самого мощного парня. Судя по всему, тот был спортсменом. Я окинул взглядом его сложенные на груди руки, рост под два метра и стриженую голову, где заметил два маленьких косых шрама. Но выражение его лица было добродушное и какое-то совсем не боевое. Отступить было поздно, хотя стыд никуда не исчез. К своему встревоженному стыдом состоянию, добавил лишь всплеск ярости, которую научился вызывать по первому требованию.

Парень прислонился к стене, совершенно не ожидая выпада, тем более от какого-то худого верзилы. С криком атакующего индейца я кинулся к нему, схватил за грудки и заорал. Буквально на пару секунд, компания рядом стоящих парней отпрянула, а затем всё тут же вернулось обратно. Я исчез из обзора, а их взгляды заскользили по мне, не выхватывая из пространства. Спортсмен возле стены, возможно, даже не успел удивиться моей наглости.

После того случая с Митькой, когда его избили старшеклассники, я испытывал нечто другое. Результат того стыда был заслуженный, полезный, толкающий на исправление. В кинотеатре я испытал совершенно другое чувство. Я не принимал свой стыд и оправдывал себя.

Я добился своего и зашёл в кинозал безнаказанным и уверенным в своей правоте. Я изгнал свой стыд без намерений позднее что-либо исправить. В тот момент мне не нужна была справедливость. Я не хотел стать лучше или кому-то помочь. Вместо того, чтобы развернуться и уйти, я гордо поднял голову и сел на свободное место.

Ван Дамм окончательно изгнал из моей головы сомнения. Я вышел из кинотеатра с желанием стать таким как он, и слегка завидовал парню-спортсмену, на которого я наорал перед кинофильмом.

В тот день я изгнал стыд из своего мироощущения, тот скрылся под волной впечатлений и оправданий, что я имел полное право воспользоваться своей «стеклянной стеной». Я оправдывал себя, что ничего не украл по-настоящему и лишь в целях эксперимента проверил свои возможности. Поэтому, уничтожая свою человечность, в течение всего лета 1991-го я ходил в кино, только так.

В тот вечер мне позвонил Митька. Он, как всегда, на «отлично» сдал свой последний экзамен, прожужжав перед этим мне все уши, поступлением на физмат МГУ. В отличие от меня, мой друг должным образом относился к учёбе, и никогда не откладывал уроки или подготовку. Только позанимавшись, он начинал делать что-то другое. Был очень усидчивым и целеустремлённым, в отличие от меня. Пожалуй, я единственный, ради кого тот делал перерыв в своём бесконечном самообразовании.

Митька предложил встретиться на набережной Ленинских Гор. Я согласился, но гадал, почему именно там? Даже переоделся в другую футболку – всё чаще ловил себя на мыслях, что подумает Кира, увидев меня. К тому же сливающаяся с моей кожей майка, подчёркивала худобу и делала похожим на Бела Лугоши в роли Дракулы. Я переоделся в другую – чёрную, за которую меня постоянно ругала мама. Футболка была вытянутой и на два размера, больше, чем нужно. Но в ней я чувствовал себя стабильнее. Хотя понимал, что Кира одинаково проигнорировала бы меня в любой из этих футболок.

Я слышал, как мои родители переговаривались на кухне, те с утра лепили пельмени и обсуждали дела: мой отец был старшим научным руководителем, мама состояла в профсоюзе. Поэтому практически все их разговоры касались работы. Я прислушался, они, разговаривая, чему-то смеялись. Мне стало спокойно.

Я прошмыгнул мимо кухни, чтобы мама не заметила чёрную футболку. Крикнув с порога: «Пока! Я скоро!» умиротворённый закрыл за собой дверь.

Автобуса ждал недолго. Новенький жёлтый «Икарус» довёз до места встречи без приключений. Да и какие приключения в автобусе? Я мог, конечно, запросто проехать зайцем, но не стал даже напрягаться из-за такой мелочи.

Митька меня уже ждал. Он по случайному совпадению тоже был в чёрной футболке и неизменной синей спортивной сумке на плече. Тот постоянно таскал сумку небольшого размера, в которой лежали учебники, библиотечные книги и несколько старых тетрадей для записей. Когда мы впервые встретились тетради были почти новыми, к этому времени – те приобрели совсем «бывалый» вид.

Он постоянно в них что-то дописывал и вырисовывал на полях. После этого, объяснял мне суть своей новой идеи. Как я помню, он изобретал какой-то новый вычислительный при-

бор, для расчёта сложных и многозначных формул. Этот прибор в конце концов изобрели гораздо позже и известен он сейчас, как тензорный процессор. Кто знает, если бы Митька не погиб на втором курсе института, тот стал бы скорее всего кем-то типа Билла Гейтса или Стивена Джобса.

Подойдя ко мне, он прищурился от яркого солнца и вместо приветствия произнёс:

– Слушай, Сел, а что, если я тебя сделаю своим научным проектом, когда поступлю? Давай я напишу НИР, буду изучать и исследую причину твоего «дара»? Я сегодня всю ночь об этом думал. Давай мы тебя сделаем объектом научных опытов, м?

– Да, – кивнул я, – Давай. Как Кота Матроскина и Шарика – в поликлинику для опытов. – Тогда мы ещё не видели такого множества голливудских фильмов и не читали Стивена Кинга с его страшилками про «лабораторные эксперименты», поэтому я воспринял эти слова не более чем шутку, коей та и была. Он без дальнейших объяснений, взял меня за руку и подвёл к воде.

– Короче, Сел, сейчас проведём эксперимент. Ты должен будешь прыгнуть в воду.

– Стоп, погоди, Мить, вода же ледяная. – Несмотря на дневную жару, ночи были ещё холодными, вода вряд ли была теплее пятнадцати градусов. Я отошёл назад, как когда-то он сам на проезжей части. – Я не буду туда прыгать...

Он перебил, достал свою тетрадь, раскрыл сильно потрёпанные страницы в самом конце:

– Смотри, – указал на схематичное изображение человечка, который очевидно изображал меня, падающего в воду Москвы-реки. – Вот здесь. Ты должен будешь встать на камень, – он махнул рукой в сторону огромного бетонного куска, лежащего возле самой воды, упираясь прямо в ограждение, погнув его. – Я всё подсчитал, высота камня и берега будет оптимальна, вхождению твоего тела в воду. Короче, ты не ударишься слишком сильно. Так, может пара синяков на коленках. И вместе с тем, можно будет измерить твои ощущения, так как этой высоты достаточно, чтобы считать её опасной.

– Мить, с тобой всё нормально? В прошлый раз ты считал меня безумным. Но, похоже, с ума тогда сошёл ты сам. – Я понимал, что он говорит серьёзно, но не хотел верить, что мне надо сигануть в холодные, зелёно-буро-синие непрозрачные воды Москвы-реки, чтобы доказать собственную неуязвимость.

– Ну, по моим наблюдениям тебе ничего не угрожает. Ты, пойми, Сел, нужно выяснить, что будет, если опасность станет неотвратимой. – Он пристально посмотрел в глаза. – Понимаешь, когда ты выходишь на проезжую часть, то сам регулируешь уровень опасности и защиты. Машины останавливаются, ты становишься препятствием. Кстати, вот ещё один вопрос, который нужно выяснить, каким препятствием ты становишься? Судя по всему, очень заметным, раз вообще всё останавливается в видимом обозрении.

Я снова посмотрел вниз. Вода была жуткой, прыгать в неё совершенно не хотелось. Митька продолжил:

– Сейчас, когда ты прыгнешь, от тебя не будет зависеть ни-че-го. – Он произнёс это «ничего» по слогам, делая на этом слове ударение, – Не будет никакого препятствия между тобой и водой. Разве, что ты зависнешь в воздухе. Но если так случится, – он ещё раз пристально на меня посмотрел, – тогда тебя точно нужно изучать и уже явно, не мне. Такого не бывает.

Я кивнул с сомнением. Мы словно поменялись ролями. Я сомневался, а тот был уверен. Я волновался, а он был невозмутим. Я осознавал, что Митька был прав. Я до сих пор не задумывался над этим. Оставался ли я в безопасности, спрыгнув с высокого дерева, или с пятиэтажного дома? Мог ли я вообще пораниться и погибнуть? Распространяется ли мой «дар» на ситуации, если я сам выберу опасность. Если подойду к краю и как сейчас, спрыгну вниз? Размышления уничтожили зарождающийся страх, появилось любопытство, хотя сама мысль об этом казалась какой-то невозможной.

– А что будет, если я расшибусь насмерть?

Митька усмехнулся, отрицательно покачал головой.

– Нет, точно не расшибёшься. Я рассчитал высоту и скорость вхождения тела в воду. В тебе где-то пятьдесят пять килограмм, так? При этом весе и высоте ты просто сильно шмякнешься. Ну, да ладно, это же не страшно. Кто не получал синяков?

Пришла моя очередь мотать головой, – Синяков? Ты издеваешься? Да не было у меня никогда никаких синяков. Не могу даже вспомнить, что такое физическая боль.

Он тогда посмотрел на меня с сомнением.

– Да, ты какой-то реально удивительный случай. Словно из книжек Беляева. Дожил до такого возраста без единого синяка? Серьёзно, Сел? Ты, где жил до этого, на Марсе?

– Скажешь тоже. – Я ещё раз обернулся на воду. – Ну, хорошо, давай, – согласился я. – Что нужно сделать?

– Да всё просто, иди к камню. – Он указал на часть бетонного блока. – Встань на него и прыгай.

– Вода холодная, ты знаешь? Там точно хватит глубины?

– Нет, не думаю, что холодная. Жара же, она утром уже прогрелась. Если что, я рядом и вполне сносно плаваю. Мы с отцом каждые выходные раньше на дачу ездили. А там река, знаешь какая! А мы туда-сюда её переплывали. Короче, не дрейфь! Прыгай. Остальное беру на себя.

Конечно, сказать, чтобы я совсем не боялся – нельзя. Плавать я, конечно, умел, да и холода не особо страшился. А здесь ещё и сказывался адреналин. Но всё-таки было странно прыгать в тёмную воду, кто знает, если эта бетонная штукавина лежит прямо возле ограды то, что может лежат там на дне?

Мы были в стороне от основного городского пляжа, поэтому Митька постоянно озирался, опасаясь, что нас заметят. Он ещё не привык к моему умению скрываться и видимо не предполагал, что при всём желании, в момент прыжка никто бы на нас внимание не обратил. О чём я не преминул ему сообщить. Со словами: «Во, точно!» он подтолкнул меня в спину. Мы остались лишь детьми, играющими в учёных.

Что-то тёмное мигнуло в глазах. Что это было я на тот момент не понял. Я обернулся к другу. Митька, не реагируя, поднимал свои тетради с земли, не обращая на меня никакого внимания. Сначала как-то неуверенно и что-то бормоча под нос, но постепенно его взгляд прояснился и движения стали естественнее. Он собрал тетради в сумку, и побрёл обратно к автобусной остановке.

– Мить? – Позвал я его, уже понимая, что тот впервые попал под за мою «стеклянную стену». Конечно, он не обернулся. Ещё раз окрикнув, я сделал шаг назад. Всё это время я находился на бетонном валуне и уже даже снял майку, собираясь спрыгнуть. Что-то снова мелькнуло перед глазами. Как телевизионная помеха. Вспыхнуло и погасло. Доля секунды.

Я лихорадочно размышлял, что случилось? Что подтолкнуло его к моему влиянию? И тут меня осенило. Когда тот предложил спрыгнуть в воду, я, сделав шаг по направлению к возможной опасности, «включил» свою защитную систему. Видимо перед угрозой жизни создавалось какое-то возмущение и стеклянная стена, закрывала меня ото всех. Получается мой «дар» защищал лишь меня, а остальные просто попадали под влияние этой защиты.

Разумеется, я не мог летать и висеть над водой, скорее всего, думал я, я мог разбиться насмерть при желании. Таким образом у меня появлялся некий выбор? Я мог внять этому предупреждению, а мог пойти напролом.

Я вертел головой, то провожая взглядом Митьку, то взирая на воду и меня разрывало в обе стороны. Я готов был тотчас догнать друга и готов был спрыгнуть, чтобы окончательно утвердиться в своих выводах.

Мне никогда до этого дня не приходило в голову, попытаться сделать нечто такое, что невозможно отменить. Что не поддавалось регулировке. Мой «дар» – странная штука и порожд-

дал новые вопросы, когда исчезали другие. Соблазн был велик. С трудом отрывая взгляд от воды, я спрыгнул с бетонного валуна и побежал вдогонку к Митьке, чтобы всё ему рассказать.

Гораздо позже я всё-таки спрыгнул. И узнал ответ на свой вопрос.

Глава 8

Конечно, я всё рассказал Митьке. И о своей раздвоенности, и о своих догадках, лишь только умолчал о странных мимолётных помехах перед глазами, да я и забыл о них на тот момент.

На сей раз он внимательно меня выслушал и, разумеется, даже не сомневался в моих словах.

– Так, значит, любой, кто толкает тебя на свершение какой-то опасности, обречён попасть под влияние твоей «стеклянной стены», так? Ну, зато теперь мы точно знаем, что эта штука защищает только тебя. А все, кто попадает в круг твоего «дара», просто массовка. Значит, главное, чтобы ты сам был в безопасности. Знаешь, Сел, вообще теория «биополей» – это антинаучная чушь, но на тебя воздействует какая-то слишком явная штука, которую наверняка можно измерить. Хм... Это поле вокруг тебя, оно же не просто влияет на людей, оно скрывает тебя и показывает, им что-то ещё.

Я рассказал ему, что уже «перешерстил» все доступные мне энциклопедии от «Брокгауза и Эфрона» до «БСЭ», и нигде не нашёл описания чего-то похожего. Я перерыл все доступные мне научные журналы дома и в библиотеке, от детского «Юного натуралиста» до «Науки и техники». Но и в них не содержалось никакой информации, кто я такой. С одной стороны, благодаря этим поискам я узнал огромное количество интересных фактов, с другой стороны – ни один из этих фактов не помог мне ни на шаг приблизиться, к тому, что со мной происходило.

– Слушай, Сел, может ты вообще уникум? Я тут без твоего позволения, начал записывать всё, что ты мне рассказывал. Ну, мало ли... Мне кажется, если мне удастся поступить в МГУ, я просто обязан изучать тебя. Давай, если захочешь ещё поэкспериментировать – бери меня с собой.

Мы «экспериментировали» всё лето. Конечно, я часто проделывал это один, но в те дни, когда со мной был Митька, мы отрывались на всю катушку. В результате этих экспериментов я убедился, что был прав насчёт «рукоположения». Если я дотрагивался до человека, то тем самым выводил его из-под влияния «стеклянной стены» и тот видел всё, что видел я.

Когда я спрашивал, что или кого Митька видел в эти моменты перехода, он чаще всего отвечал, что ничего. Но иногда, как-то странно хмыкал и взгляд его становился испуганным. Возможно, он не говорил мне всего и видел что-то действительно пугающее. Лишь позже признался, что почти ничего не мог вспомнить.

– Просто, Сел, я не знаю, что вижу. Ощущение, что вижу будущее. И мне кажется, я видел себя мёртвым.

Я выяснил ещё одну особенность. Мой дар воздействовал непродолжительное время. Когда Митька попадал под моё воздействие, то вспоминал обо мне лишь на следующее утро. Позже он рассказывал, что иногда, кроме мертвого себя, видел странного человека, лица которого не мог вспомнить.

Теперь я знал, что люди, которые попадали за мою «стеклянную стену» уже на следующий день вспоминали о своих намерениях, но правда забывали о том, что с ним происходило в предыдущий день. Получается, те алкаши возле рынка спокойно могли подраться и в следующий раз. А те уроды, которые избили Митьку, могли поймать его на следующий день. То есть люди, которые замышляют что-то ужасное, могли сделать это буквально через сутки после моего воздействия. Выходит, если мне предстоит «обезопасить» что-то действительно серьёзное, я должен буду проследить за дальнейшими последствиями. И вновь появлялся новый вопрос – как мне должно это сделать?

Лето уже подходило к концу, когда я решил рассказать другу и о «Кире из Питера».

– Не, Селен. Я видел эту вашу Киру. Родители знаменитые журналисты. Там отец один – ого-го! Тоже мне жених – Селен Корионов. – Он засмеялся. – Ты же понимаешь, что она не простая девочка. Это она сейчас возможно не понимает своего положения, но поверь мне, Сел, когда поймёт – выберет точно не тебя. Ты, конечно, видный парень, но не для таких, как она. – В тот момент его голос стал серьёзным.

– Да я это знаю. – отмахнулся я, понимая, что он на сто процентов прав.

Обо всём этом в тот момент мне думать не хотелось. Я хотел отвлекаться от возникающих мрачных, упаднических мыслей. Поэтому пытался отгонять их просмотром бесплатного кино. Я пересмотрел в нашем кинотеатре все фильмы, некоторые даже по нескольку раз. Проехал «зайцем» на электричке до какого-то безымянного дачного посёлка и обратно. Вечерами задерживался возле «Гаваны», мешая местным парням подраться. Пересекал проезжую часть в самых неожиданных местах перед носом у водителей, вынуждая их тормозить.

Митька был не против таких развлечений, хотя по началу отговаривал меня, а затем и сам стал принимать в них участие. Всё лето мы дурачились. Бегали с ним на фильмы «детям до шестнадцати», съездили на ВДНХ, успели ещё до того, как его заполонили рыночные «комки» – павильоны для продажи китайско-турецкого ширпотреба. Словно прощаясь с этим комплексом, который под напором новой эпохи менялся, мы два раза подряд сходили в Космический павильон.

Мне всегда нравилось всё, что связано с космосом. Я благоговел перед наукой и фантастикой. Но относился к ней, не как Митька, который пытался всё понять, измерить, изучить, запаковать в расчёты, а затем построить некий сверхмощный компьютер, сочетающий искусственный разум из книг Азимова и Брэдбери. Для меня все научные открытия были, как картины «Амаравеллы»¹. Красота, основанная на научных знаниях. Космизм. То, что сплеталось в науку и, наверное, магию. Хотя, это не точное слово. Не магию. В загадку.

Я поначалу не был уверен, что сам хочу начинать конфликты, но показать свои возможности Митьке точно хотел. Уже не в первый раз я всерьёз подумывал о том, чтобы перестать это делать и остаться таким как все. Но видя, как Митька смеется до колик в животе над лицами людей в моменты их трансформации, когда те переходили из одного состояния в другое, напрочь изгоняло эти мысли. Я был ребёнком и почти избавился от угрызений совести, однако все равно не мог загасить ростки стыда. Хотя бы потому, что люди были не виноваты, не угрожали и не нападали на меня.

Затем всё завертелось. 19 августа 1991 года случился политический переворот, названный «Путчем». Последний президент страны под названием Союз Советских Социалистических Республик, Михаил Горбачев, был отстранен от власти так называемым ГКЧП, объединением бывших соратников президента, которые решили взять управление в свои руки, как новое Временное правительство.

Государства, в котором я родился и вырос, к тому времени уже практически не существовало, а в то лето в Москву были введены войска. До этого момента мне даже в голову не приходило заявиться на какую-нибудь политическую манифестацию, но случилось то, от чего просто так было уже не отмахнуться.

Я до этого не замечал, что мир моего детства уже агонизировал и содрогался в конвульсиях. В марте и апреле 1991 года по всей стране прошли многотысячные антиправительственные митинги, а я нарочно запирался в своём мирке «безопасности» и спокойствия. Решал свои проблемы, и политика мне была совсем не интересна.

Но в тот день мы с Митькой решили поучаствовать, заодно и поэкспериментировать в этом столпотворении. Для нас те беспокойные события ещё не были историей или неотвратимо приближающимся крахом старой политической системы. В воздухе просто витало чув-

¹ Объединение молодых русских художников-интуистов или «космистов» 1923—1928 гг

ство напряжения и возбуждения. Будь я взрослее, кто знает, может быть постарался всё изменить? Кто знает, на что я мог тогда повлиять? Но, разумеется, я об этом даже не задумывался. Мои мысли занимали только поиск ответов на свои вопросы, эксперименты и Кира. И я был рад, что Митька находился в те годы рядом со мной и часто давал повод задумываться о хорошем, переключаться с эгоистических и агрессивных поступков. Если бы не он, я превратился в чудовище гораздо раньше. Я был – эмпириком, он – рационалистом. Вместе мы дополняли друг друга.

В тот день мы с ним решили съездить и попробовать «поэкспериментировать» в самой гуще событий. Для нас они не были переломом, а просто ещё одним полем для игр в неуязвимость.

Ничего не сказав родителям, мы пешком двинулись к памятнику Юрию Долгорукому, чтобы посмотреть, что происходит в центре города. Было около десяти часов утра. Родители уже ушли на работу, в то утро те тоже были встревожены, но я не придавал этому должного значения.

С Митькой мы договорились встретиться на остановке. Взяв с собой пару бутербродов, я выскочил за дверь. На мгновение испытал те же ощущения, что и в тот день, когда впервые выбежал на дорогу. По коже побежали мурашки, сердце застучало где-то в висках, а меня заполнил страх. Затем всё вернулось на круги своя.

Я шёл по улице и физически ощущал постоянно наэлектризованное присутствие то ли беды, то ли радости. Неопределённое чувство возбуждения. На наших глазах менялась история, но мы отмахивались от перемен. Все последующие события, которые случились со мной, возможно, были как-то связаны с тем, что произошло тогда.

Через пару часов мы были уже в толпе возле памятника. Я не держал Митьку за руку, постоянно отвлекался и вертел головой по сторонам. Люди вокруг нас расступались и их взгляды при моём приближении моментально становились «скользящими» и пустыми. Мне даже не нужно было нарываться на конфликты, чтобы расчищать дорогу перед собой. Я не понимал, почему включался режим «безопасности». Мы просто продирались через людей, и никто из них, не проявлял агрессии.

Вокруг нас проходили митинги, иногда с абсолютно противоречивыми лозунгами. То тут, то там раздавались хоровые возгласы и крики или наступать на власть, или поддержать «путчистов». Но в толпе пока никто не дрался и не лез на рожон. Перед нами продолжали молча расступаться и пропускать без конфликтов. Я думал над тем, почему это происходит. Были ли все они опасными для меня в тот момент? Или они были опасными друг другу?

Или причиной тому было почти реальное электрическое напряжение, которое чувствовалось в те дни? Возможно, думал я, всё это происходило из-за того, что те события сами были огромным противоречием.

Сейчас предполагаю, что каждый из нас в той толпе был фитилём к огромной бомбе. Каждый мог совершить что-то великое плохое или великое хорошее. Тогда в людях проснулись все худшие и лучшие чувства.

Через некоторое время я хотел обратить Митькино внимание на толпу, которая словно воды Красного моря в одной из библейских историй, расступалась перед нами, но того уже рядом не было. Я озирался, пытаюсь увидеть куда тот ушёл, корил себя, что потерял из виду и оставил без защиты. В такой давке с ним могло произойти всё, что угодно. Но наконец взгляд зацепился за знакомую вихрастую голову. Он стоял среди толкающих его людей, и смотрел куда-то вдаль. Подбежав, я схватил за руку, тем самым выведя его из-за «стеклянной стены».

Мы тронулись дальше, на вопрос, куда он собрался, рассказал, что после того, как потерял меня из виду, просто отключился. Всего на секунду. Я ему ответил, что прошло минут двадцать, прежде чем я его нашёл. Митька пояснил, что у него не было ощущения потери сознания, просто он пришёл в себя, когда я его схватил.

– Чёрт, Сел, я вспомнил! – Он начал оглядываться, кого-то выискивать в толпе: – Меня звал за собой какой-то странный парень.

– Какой парень? – Я проследил за его взглядом, но не понимал, кого Митька высматривал. Людей было слишком много. Периодически то тут, то там раздавались резкие выкрики. Среди них, особо выделялся один голос.

Кто-то впереди нас, у самого памятника орал в мегафон политические слоганы, срываясь на хрип. Голос призывал собравшихся присоединиться к его политическим воззваниям, что те охотно и делали, отзываясь эхом. Мы с Митькой стояли за спиной какого-то очень высокого мужчины, поэтому не видели того, кто взывал к толпе. Где-то в стороне от крика люди орал в ответ: «Да! Нужны перемены! Хватит это терпеть!» Позднее, многие из тех лозунгов станут так называемыми «Интернет-мемами». Но тогда слова «Интернет» в нашем с Митькой мире просто не существовало.

Людей становилось всё больше. Чтобы ощутить возникшее тогда напряжение, не нужно было становиться интуитом или экстрасенсом. Достаточно было видеть эту заведённую толпу, чтобы понимать, что она была на пределе. Всё это могло вылиться в любую крайность и закончиться кровавой бойней.

Митька подтолкнул меня локтем.

– Я потерял того парня из виду. Он со мной говорил. Ты меня отвлек.

– Мить, возле нас не было никакого. Я шёл рядом... Или он подошёл к тебе, когда я тебя потерял?

– Может быть. Но видел его как тебя... – он замялся и снова начал озираться.

– Что ты делаешь? – поинтересовался я вполголоса. Мы продолжали стоять на месте. Толпа, расступаясь и огибая нас, текла к центру.

Он мотнул головой. – Нет, всё в порядке. Просто странно, я пытаюсь вспомнить, что тот мне сказал и не могу...

– Тот парень, которого ты видел, он был тем же самым? В костюме и шляпе с тростью?

– Нет. Я не помню. – снова замялся, зажмурившись – Словно мой мозг не даёт его увидеть. Мне казалось, он был негром, а затем – вроде как, обычным белым парнем. – Митька очевидно был сбит с толку.

– Да у тебя, похоже, были галлюцинации. Вот блин, я вызываю у тебя галлюцинации! – Я не смог сдержаться и хохотнул.

Значит вот что они все видят. В тот момент, когда мне что-то угрожает, я насылаю на людей галлюцинации. Но почему люди так спокойно их переживают? Лично меня удивил бы мужик во фраке или негр с тростью. Даже Кира, возникшая из ниоткуда, очень бы меня удивила. В тот миг, когда я снова подумал о ней, тут же устыдился своих мыслей.

Толпа была напряжённой, но явных конфликтов вокруг нас всё же не было. Поэтому мы решили идти в самый центр. Присоединились к той части демонстрации, которая двигалась на Манежку. Пару раз возле нас возникали перепалки, но тут же гасли, и люди забывая, зачем сюда явились, вставали столбом. Остальные шли дальше, не обращая на остановившихся внимания, выкрикивая свои лозунги и призывы, не предпринимая никакого другого насилия. «Похоже, ничего интересного здесь не выцеплю» – Думал я.

Удивительное дело, никогда бы не подумал, что не увижу в такой толпе никаких серьёзных беспорядков. На какой-то миг мне всё действие напомнило демонстрации на Первое мая, после которых родители встречались со своими коллегами, и мы все вместе выбирались за город на шашлыки. Спокойное детство.

Внезапно Митька вырвал меня из воспоминаний, дернув за руку. Чуть в стороне от основной массы людей происходила драка. Настоящая, с нехилым таким мордобоем. Часть драчунов уже разошлась, но особо упорные и возможно нетрезвые, продолжали мутузить друг друга. Схватив его за запястье, я рванул туда. Но стоило только подбежать ближе, как мужики

сразу же разошлись в разные стороны. Те, будто с ленцой, не торопясь, всё прекратили. Словно рефери дал отмашку.

Минуя внезапно прекратившуюся массовую драку, мы наконец вышли к Манежной площади. Людей здесь скопилось ещё больше. Я обратил внимание, что в тот момент всюду отсутствовала милиция. Не наблюдалось ни спецназа, ни обычных постовых или даже патрульных. Словно сразу целый город остался предоставлен сам себе.

Мимо нас, заезжая на пешеходный тротуар проехал БТР по направлению к центру, на его крыше сидел военный. Машина проезжала осторожно, но всё равно было странно наблюдать военную технику в центре родного города.

Чем ближе мы подходили к основному митингу, тем больше становилось «скользящих» взглядов среди людей. Практически мы шли за толпой, которая определяла наш маршрут. Несмотря на то, что нам ничего не угрожало, я больше не отпускал Митькино запястье, чтобы тот вновь не увильнул в сторону, попав под моё «воздействие».

К часу дня мы вышли на площадь перед «Белым Домом». Там творилось что-то невероятное. До меня доносились чьи-то возгласы про «реакционный переворот». Как позднее оказалось, я слышал речь будущего президента России Бориса Ельцина. Толпа неистовствовала. У меня складывалось ощущение, что, если призовут вешать прямо здесь, на площади, люди начнут вешать. Не важно кого – своих друзей, своих соседей. Что-то было во всём этом нездоровое. Люди взбирались на стоящие тут же чужие автомобили. Несколько человек залезло на крыши брошенных посередине площади автобуса и троллейбуса. «Рога» троллейбуса сняли с проводов, и те торчали в разные стороны, качаясь от прыжков. Люди прыгали на их крышах и скандировали «Ель-цин! Пе-ре-мен! Долой Гэ-Ка-Че-Пэ!» Я не видел, кто стоял в центре толпы, не смотря на свой рост. Не мог взглянуть вглубь, так как люди, стоящие перед нами, были взрослыми и гораздо выше и шире в плечах, а идти вперёд я не захотел.

То тут, то там доносился рык военной техники. Митька тогда решил, что прямо в центр Москвы заехали танки. И он был прав. Мимо нас пробегали мужчины с обломками фанеры и досок. Люди строили баррикады. Мы ошарашенно наблюдали за этим хаосом. Но на нас никто не нападал, оставляя в безопасности.

Мы уже хотели уходить. Как я говорил, политические аспекты жизни меня тогда не волновали. Всё это было скорее просто интересно, не более. Ни я, ни Митька не думали, чем всё это обернётся. Мы уделяли этим переменам минимальное количество нашего внимания, и считали, что всё вновь как-нибудь разрешится. Мы снова будем бегать в кино, а родители будут лепить пельмени по выходным.

Мы развернулись, продираясь сквозь толпу, которая вокруг нас начала заметно сжиматься. Если бы не моя «безопасность», нас тогда спокойно могли затоптать, настолько плотно все двигались друг к другу.

Выйдя чуть дальше, туда, где теснота была не столь монолитной, внезапно я увидел голубые «Жигули», которые, не останавливаясь, мчались по тротуару. Сразу не разглядел, кто был за рулём. Но автомобиль не сигнализировал, не тормозил и мог пошибать всех, кто был у него на пути. Тотчас отпустив, Митькино запястье, я бросился туда. Это случилось инстинктивно. Нет, я не выхватывал людей из-под колёс. Я весил едва ли больше шестидесяти килограмм и вряд ли мог столкнуть их всех с траектории автомобиля. Всё-таки, там было слишком много народа, а я не Жан Клод Ван Дамм.

Я просто решил действовать, как всегда, пробежал, пересекая путь машины. Водитель, в тот момент я рассмотрел его, старик лет под семьдесят, тут же крутанул руль влево и резко затормозил. К счастью, люди заметили автомобиль, но не меня. Я остался стоять на месте, наблюдая, как старик, вначале остановив «Жигули», начал осторожно выкручивать назад. Я пошёл навстречу, давая водителю время на манёвр. Чтобы мешающая преграда вернула его

туда, где и место – на проезжую часть. Тротуар освободился, люди, «скользя» по мне взглядами, не предполагали, что избежали гибели.

Позднее я решил, что старик действительно шёл на сознательный таран людей. Но я об этом уже не узнаю. Возможно, в тот момент, он что-то потерял и хотел уничтожить всё, что его окружало. Знакомое сейчас чувство.

Я до сих пор думаю, если бы я тогда решился пройти чуть дальше, вглубь этой толпы. Прямо под тот самый танк, на котором стоял Ельцин, были бы эти события такими, какими они были?

Я ещё долго искал Митьку в толпе. Он выбрался в стороне от меня. В центре Москвы было слишком шумно, грязно и очень тревожно. Я больше не хотел дергать судьбу за усы, и мы побрели домой. Под моими ногами хрустели опилки и мелкие камешки. В тот момент под моими ногами хрустела моя страна.

Глава 9

То лето девяносто первого навсегда ушло вместе с СССР. Я решил больше не «забивать» на учёбу и определиться с тем, куда идти учиться дальше. Митька, в свою очередь, усиленно готовился к вступительным экзаменам. Ему оставался всего один год до выпуска. Но, конечно, моё решение, в отличие от его, так и осталось лишь решением. Видеться мы стали реже. Правда, созванивались почти каждый день. Он постоянно интересовался тем, как обстоят мои дела, на что я отвечал, что «всё по-старому, ничего не изменилось». Умалчивал лишь о своих усиливающихся чувствах к Кире, которая за лето, как мне казалось, стала ещё краше.

Тем временем, постепенно из магазинов исчезали продукты. Меня это скорее озадачивало, а мама была потрясена. Я не чувствовал как старый мир трещит по швам. Помню, мне скорее досаждало лишь бытовое неудобство, мама слишком рано будила, чтобы я шёл заниматься очередь за мясом в местный магазин, в котором отмечался, а затем бежал в школу. А она, в свой обеденный перерыв, ездила забирать это мясо, которое затем хранила в морозильной камере своей лаборатории.

Наш район стал превращаться в серое, мрачное пристанище озлобленных и неприкаянных личностей. Издали дома казались чистыми и ухоженными, но вблизи было видно, что в отдельных местах дверные доски потрескались и требовали ремонта. Газоны из чахлой травы, по которым бегали бездомные собаки, нуждались в уходе. Но понятное дело, никто ими не занимался. Почти каждый день я натыкался на людей, которые попадали под моё влияние. Причины этого, понимал, но не в полной мере. Многих тогда уволили с работы, люди озлобились из-за постоянной нехватки каких-то в прошлом вполне обыденных вещей, спивались и дрались возле тёмных подъездов с разбитыми фонарями.

Увы, я не мог выбираться на улицу поздним вечером, чтобы предотвращать эти драки, а с пятого этажа не прыгнешь, как Зорро, не разбившись при любом раскладе. Поэтому в самые опасные вечерние часы, я оставался дома. Ни мама, ни отец до сих пор не догадывались о моей тайной жизни, поэтому вечерами я был обычным парнем. Их сыном.

Но после школы всегда задерживался и обходил территории, которых я называл своими «владениями», те распространялись в радиусе пары кварталов от моего дома. К тому времени я изучил все опасные места. Знал, где находится один из нелегальных спортивных залов-«качалок». Знал, где местная рюмочная. Знал, где можно было нарваться на неприятности от новоявленных предпринимателей-«кооператоров», которые втридорога продавали из-под полы в подвальчике турецкую одежду, мутноватые самодельные чёрно-белые фотографии обнажённых женщин и «французские» духи.

Митинги продолжались. Страну лихорадило. Повсюду открывались нелегальные подпольные заведения, где можно было купить самодельные иконы, индийские джинсы и конфеты с невкусным, и я бы даже сказал – опасным содержанием. Если честно, есть их было очень «стрёмно». «Шоколад» вяз на зубах, а внутри, в лучшем случае – обнаруживались нарезанные на кубики обычные советские вафли «Артек», но вкус у них был какой-то затхлый и отсыревший. В худшем случае – попадался натуральный пластилин.

На самом деле, это всё находилось в другой, как называл её – «Второй Москве». Подпольный город, который с первого взгляда был почти не заметен. Днём «Обычная Москва» представляла собой довольно печальное зрелище: если перенести нас сейчас в то время, мы увидим грязные неухоженные улицы, словно по ним пронеслась маленькая локальная война. Всюду разбросанный мусор, доски, оставшиеся ещё со времён баррикад 1991-го, увядающие газоны и старинные, полуразрушенные здания с забитыми окнами. Всё это довершали обветшалые советские витрины, из которых уже исчезли неказистые, но привычные продукты. А то, что оставалось – чаще всего оказывалось муляжом.

К вечеру появлялась другая Москва, ради которой в неё съезжались граждане со всей территории бывшего Советского Союза. Подпольные магазины кишели разнообразными, чаще всего, конечно, некачественным ширпотребом. Какими-то дешёвыми женскими побрякушками, одеждой кислотных цветов, немецкими шоколадками «Мауксион» и распечатанными «на коленке» книжками Кама-сутры.

Помню, как-то с Митькой мы решили стащить такую запретную брошюрку, чтобы посмотреть, что скрывалось на её страницах. Ради этого я снова тогда нарвался на конфликт с продавцом. Но совесть уже не мучила. Благодаря своим уличным «обходам», я знал, что продавец, был тем ещё говнюком. Да и книжка нас сильно разочаровала. В ней не было ничего загадочно-чувственного, только некачественно напечатанные и кем-то коряво-нарисованные от руки эротические рисунки.

Эротики в тех картинках было столько же, сколько в деревьях, растущих возле нашего дома. Видно, было, что человек совсем не разбирался в вопросах. Ни в эротическом, ни в искусстве рисования. Старательно рассмотрев книжку, тщетно пытаясь найти там что-то возбуждающее наше мальчишеское воображение, мы выбросили её в мусорный ящик. Честно, я мог тогда нафантазировать себе гораздо более запретные вещи. Не думаю, что современные парни в моём возрасте, не могут этого сделать и сейчас безо всяких самодельных изданий.

Эта самая «Вторая Москва» могла предоставить человеку с деньгами почти, всё, что было нужно. Конечно, при наличии некоторых связей. Но зачастую в этих подпольных магазинах меня интересовали не товары, а те, кто их посещал. Я следил за многими. И на моём счету было уже некоторое количество предотвращённых драк и разборок.

«Вторая Москва» в нашем районе была представлена не только разного рода магазинчиками с барахлом, но и видеосалоном, который открылся в те дни на первом этаже бывшего универсама. Первые видео сеансы показывали на симбиозе из большого советского цветного телевизора «Рекорд» и новенького немецкого видеомагнитофона SEG. Где в течение недели гоняли одну и ту же пару-тройку фильмов. Затем репертуар менялся. Хозяева видеосалона добывали где-то другие видеокассеты и старые передавали в другой видеосалон. Так и обменивались. Почему-то у нас крутили в основном боевики с Джеки Чаном.

Держали это заведение парни из местной «качалки». И так как я был наблюдательным, а атмосфера в таких заведениях была соответствующая, то мог спокойно и незаметно смотреть кино, не прибегая к своей искусственной ярости.

Немногим больше, чем через год после случая с голубыми «Жигулями», я возобновил предотвращение всех опасных событий на своём пути и прогулки возле своего дома сделал своей постоянной обязанностью.

Однако на тот раз моей целью являлся не бесплатный проход в кино и не остановка машин на дороге. Не доходя полкилометра до дома, я свернул с шоссе на тропинку, ведущую к «качалке», решая проверить, что находится дальше. День выдался тёплый, правда незадолго до этого в городе случился ливень, и теперь я повсюду видел пар исходящий от прогретой земли. Меня больше не тяготило моё состояние. Я находил себе цель. И постепенно расширял территории своих наблюдений.

Так продолжалось почти весь год. Я изучал все «злачные» места в районе и этим отвлекал себя от мыслей о Кире. Продолжал учиться без каких-либо взлётов и падений, и на меня по-прежнему мало кто обращал внимания. В свою очередь, я продолжал изучать свои особенности, много читал и вёл статистику своих вмешательств в различные разборки. Не столько для Митьки, сколько для себя.

Наш район, в отличие от Митькиного, был спокойным даже в те годы. Поэтому если удавалось найти время в его усердной учёбе, я приезжал к нему, и мы вместе бродили по улицам Лефортово в поисках «злачных» мест. Благо их даже искать было не нужно. Район считался рабочим и разнообразных «рюмочных» с сопутствующими драками там было гораздо больше.

Иногда я выбирался в центр, доезжал до Столешникова Переулка, где находилось концентрированное количество разнообразных полуподпольных торговых точек. Я несколько раз прогуливал уроки, чтобы смотаться туда и побродить в шумной людской толпе. Во второй половине дня там скапливалось огромное количество народа. Сегодняшний человек мог бы подумать, что в центре Москвы каждый день проходили какие-нибудь политические акции. Но нет. Люди туда стекались со всех концов города, как на Марокканский рынок – торговаться и продавать.

Похоже, вся Москва тогда жила только этим. Моя сосредоточенность на конфликтах позволяла мне видеть гораздо больше, чем обычным подросткам. Но всё же я оставался подростком и всего мрака не знал. Просто забавлялся, так как никто и ничто не могло мне навредить.

Меж тем, постепенно наш районный кинотеатр хирел, в нём тоже открылся видеопрокат. Фильмы на большом экране стали показывать всё реже, а рядом с театром «Таджикистан», который в том году переименовали в «Сатирикон» и передали театру Райкина, открылся такой же стихийный мини-рынок.

Однажды, как всегда после школы, дожидаясь Митьку возле кинотеатра «Гавана», я наткнулся на драку. Для меня этот случай был скорее стандартным, ничего не предвещало того, что случилось позже. Не опасаясь, я подошёл ближе и увидел, как один из парней выхватив нож, бросился на второго, который был раза в два ниже него. У меня выработался условный рефлекс. Я кинулся к ним, но, не рассчитав расстояние, впервые оказался слишком близко от взмаха ножа.

Меня сразу ослепило. Я увидел тёмно-серый всполох с чёрной точкой посередине, которая расплывалась, словно огромный тёмно-серый цветок. В тот миг, я ничего не замечал, кроме этого, заполняющего весь мир серого цвета, при этом оставаясь в полном сознании. Сейчас, вспоминая тот момент, я сравнил бы эту пелену со стеной огня, только та была в серых оттенках, и исторгалась из этой чёрной точки, как чья-то исполинская серая радужка глаза.

Я даже не понял, что произошло, опешил и пытался проморгаться, чтобы наваждение исчезло. Но ничего не получалось. Мне никак не удавалось согнать это видение. Я не предполагал, успел ли вмешаться в исход драки или мне нужно было быстрее уматывать с этого места. Но был дезориентирован и не понимал, в какую сторону нужно бежать. Стоял на месте как дурак и ждал, что будет дальше.

Серое наваждение пропало так же внезапно, как и возникло. У «Гаваны» всё так же торчала смеющаяся и гомонящая молодёжь, но мужика с ножом уже не было. По крайней мере, я его не заметил. Я тряхнул головой, но взгляду больше ничего не мешало, видел всё так же чётко и ясно, как раньше. Митька ещё не подъехал. Ничего не изменилось. А судя по «скользящим» взглядам людей возле кинотеатра, мне всё-таки удалось предотвратить поножовщину.

В попытках проморгаться я опустил взгляд и увидел два красных пятна на потрескавшемся асфальте возле своих ботинок.

– Чёрт! – Впервые был озадачен тем, что мой бросок, возможно, был неудачен, и я не смог помешать мужчине с ножом. Помню до сих пор, те свои хаотичные мысли – «Неужели моя особенность теряется с возрастом? Может быть, вскоре она совсем исчезнет?» Я уже знал, что вхожу в специфическую фазу своей жизнедеятельности. И гормональное состояние подростка весьма нестабильно, вплоть до явных физических необратимых изменений. Не будет ли утерян мой «дар» из-за этих подростковых трансформаций? К этому я был не готов. И даже не задумывался никогда, кем буду без него. Конечно, я хотел быть как все, но не думал над тем, что однажды моё желание может исполниться. Готов ли я был к этому именно в тот момент? Вот так внезапно? Разумеется, нет. Тогда я точно понял, что не хотел лишаться своего «дара».

Убедившись, что серое мигание больше не вернётся, я решил прогуляться до автобусной остановки, чтобы подождать Митьку и заодно подумать над произошедшим. Но чувствовал себя как-то странно. Мне что-то мешало. Это было незнакомое чувство. Я ещё раз обернулся

на двери кинотеатра с написанной от руки обычной масляной краской вывеской – «Видеофильмы». Но не заметил никаких последствий той драки. Всё было спокойно. Ещё раз проморгавшись, я двинулся к остановке.

Митька, наконец, приехал. Выйдя из ПАЗика и, увидев меня, тот кинулся навстречу с почти таким же выражением лица, как тогда на Шоссе Энтузиастов.

– Селен?! Что с тобой произошло?

– Да всё со мной хорошо, ты чего? – ответил я и демонстративно посмотрел на часы. – Ты опоздал.

– Ты в своём уме? Быстро домой! – Он схватил мою руку.

Я не понял – «Почему домой? Зачем?»

– Митька, хватит. Объясни, что случилось?

– Ты себя видел?

Я не понял, что он имел в виду. Но видимо, сигналы в мозг поступали. Только пока я их не мог интерпретировать. До этого никогда с подобным не сталкивался.

– Что случилось? Не тяни уже, говори прямо!

– Ты в крови! Что случилось?! Это ты мне должен сказать!

Я опустил голову – и правда, вся куртка была в брызгах чьей-то крови.

– А-а-а-а, – махнул рукой, – Всё нормально, просто пытался предотвратить поножовщину. Судя по тому, что парни разбежались – мне удалось на них повлиять. Видимо, я подбежал слишком близко, и они успели порезать друг друга. Но где-то я ошибся и почему-то повлиял слишком поздно... – У меня немного закружилась голова. – Всё в порядке. Я успел. Вроде бы. Но мне надо кое-что тебе рассказать. Похоже, я теряю свои способности из-за...

Он перебил меня.

– Нет, погоди. Ты на себя посмотри! – Он пальцами отогнул полу моей куртки. Крови под ней было больше. Я охнул, увидев эти влажные красные пятна.

– Чёрт, что я скажу родителям? Придётся выбросить тайком, чтобы мама ничего не узнала. – Живот начало жечь. Кажется, мой мозг, наконец, нашёл правильные выводы для организма.

– Это же не их... Чёрт, это моя кровь! – Этим выводом я был ошарашен не меньше Митьки. Поднял свою футболку, увидел на животе длинный порез, откуда подтекала кровь. Похоже, тот был не глубоким, но заметным. Понял, почему Митька был так встревожен.

– Ничего не понимаю. Я следил за людьми возле кинотеатра. Там намечалась драка. Кинулся к тем парням. Один был с ножом и собирался порезать другого мужика. И вдруг – пыщь! – Я сжал и раскинул ладони, показывая движение «взрыва» – Я ничего не вижу! Вернее, увидел какие-то серые всполохи. Серую колышущуюся пелену, которая не сходила с обзора примерно минуту. Я вообще ничего не видел, кроме серого. Когда оно исчезло, взгляды людей были такими... Ну... «скользящими», как я тебе рассказывал. Вдруг это признак того, что я теряю свой «дар»? – Внезапно я вспомнил «телевизионные помехи» перед глазами, когда стоял на булыжнике возле реки, собираясь прыгнуть вниз. «Вот оно! Оно началось в тот момент!», а в слух произнёс:

– Не знаю, может это всё из-за возраста, но что-то изменилось. И я похоже уже видел это раньше. Ну, когда я собирался прыгать в Москву-реку... а сейчас оно усилилось. Вдруг эта серая хрень означает, что наступает конец?

Митька озабоченно покачал головой.

– Пошли-ка домой! Заразу ещё занесёшь! Ты совсем, что ли ополоумел под ножи кидаться?

Я не знал, куда деться со стыда и какого-то чувства неуютности. словно мне не было места в этом мире. Что я скажу родителям? Чёрт с ней, с футболкой, но как я скрою, этот чёртов порез? Как всё объясню?

– Мить, отцу и матери – ни слова! Ничего не было! Отвлеки внимание на себя, я проскочу в свою комнату и переоденусь.

– Да понятно, Сел. Ты в порядке?

– Да. Я не знаю. – Честно сказать, я понятия не имел, что со мной. И насколько опасным был этот порез. Я даже не мог интерпретировать свои ощущения. – Небольшое жжение и всё. Я хочу понять, что это было, Мить.

– Тебе больно?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Наверное, нет.

– Ладно. Разберёмся. Не ссы! Поверь, я постараюсь решить эту проблему. А пока давай-ка займёмся тобой. – Когда я в чём-то сильно сомневался, Митька брал на себя всю ответственность и решения. Включая режим «старшего брата», он заботился обо мне, а я млеял от этого. Мне нужна была эта его забота, которая на время снимала все вопросы и сомнения с моих плеч.

Я спешно открыл дверь. Мама словно всё «просекла», встретив нас на пороге. Меня спасло лишь то, что свет в прихожей был выключен.

– Селен, хватит уже околачиваться на улице. Иди, ешь! – Заметила, что я не один – Ой, Митя, привет. Давай с нами! – Она скользнула по нам взглядом и удалилась на кухню. Оттуда позвала к столу отца. Я воспользовался моментом, сразу сиганул к себе в комнату. Схватил из шкафа первую попавшуюся майку, натянул на себя вместо той, что была запачкана кровью. Снял куртку и забросил в самый скрытый угол за комод. Митька вошёл следом за мной.

– Так, давай по-быстрому опиши мне, что конкретно случилось?

Раздался голос отца, который снова звал нас ужинать. Мы с Митькой в один голос крикнули: «Мы сейчас придём! Через минуточку!»

– Слушай, я подошёл к кинотеатру, там стояла толпа, студенты какие-то. Молодёжь. И пара мужиков постарше, один из них кинулся на второго с ножом. Это всё, что я видел. Подбежал, как всегда. И вдруг эта серая хрень перед глазами. Именно из-за неё я решил, что моей «безопасности» приходит конец. Понимаешь?

– погоди ты паниковать! С чего ты решил, что этому пришёл конец?

– Я никогда до этого не видел этой серой пелены. Вернее, видел нечто, тогда на Ленинских горах. Но там оно просто мигнуло пару раз меньше секунды. Я даже не обратил внимания. А сейчас пелена была похожа на гигантский глаз. Я не смогу тебе описать. Это надо видеть. Пыхающая серая масса. Как серый цветок. Со мной ничего не должно было случиться! Ты сам видел. Я – безопасный человек! Понимаешь?! У меня за всю жизнь даже синяка не было. А тут – это?! – Я указал на свой тощий живот с краснеющим порезом над пупком. – Что мне делать с этим?

– Тебе больно?

– Нет. Не знаю. Я никогда не испытывал боль. Просто как-то неудобно, что ли. То холодно, то горячо.

– Йод есть?

– Наверное. Не знаю.

– Давай, неси. Я сейчас обработаю.

Я осторожно открыл дверь, удостоверившись, что родители до сих пор на кухне. Прощмыгнув в большую комнату, открыл один из шкафов, достал аптечку. Затем вернулся к себе. Закрыв плотнее за собой дверь. Отдал аптечку Митьке.

– Я ей вообще никогда не пользовался и не знаю, что здесь лежит. Сам посмотри.

Он порылся, видимо нашёл, что нужно. Достал какой-то пузырёк и большой квадратный горчичный пластырь с куском ваты.

– Серьёзно? Горчичный пластырь? Он же вонючий. У мамы нюх, она обязательно поинтересуется, что это.

– А другого у вас нет. Надо же чем-то заклеить твои раны – тут он рассмеялся. – Ну ты, блин, даёшь! Давай, Сел, садись. Будем тебя лечить. Блин, ты дожил почти до девятого класса и не знаешь, что делать с царапинами. Тебя в витрине, что ли держали. – Прodelывая свои манипуляции, он бубнил какие-то шутки, видимо пытаясь меня веселить. Когда он начал обрабатывать йодом порез, я обрёл знания, известные каждому человеку в гораздо более раннем возрасте. Видимо мозг, не смотря на отсутствие тренировки получения болевых сигналов быстро разобрался, что к чему. Я вскрикнул.

Встревоженный мамин голос заставил меня замолчать.

– Что у вас там происходит, и почему вас до сих пор нет?!

Я закрыл себе рот ладонью, прикусив при этом палец. Мозг радостно отозвался новой болевой реакцией. Никак не удавалось сдерживать смех и вскрик одновременно.

– Чёрт, Мить. Перестань. Клей уже пластырь и пошли жрать!

– Добро пожаловать в нашу вселенную, приятель. – Ответил он мне, налепил комок ваты на поверхность пластыря и заклеил мой порез. – Всё, «дон Румата», готово. Жить будешь.

Я уже хотел открыть дверь комнаты, как вдруг Митька прошептал:

– Я знаю... Чёрт, я знаю, как мы проверим, пропадает твой «дар» или нет.

Я кивнул.

– Да, а сейчас пойдём на кухню. Иначе мои родители покажут нам «Планету Бурь».

Глава 10

Я сказал родителям, что провожу Митьку до остановки, и мы спешно ретировались, чтобы не попадаться им на глаза.

– Ну, давай, выкладывай, что ты там придумал. – Я поморщился, живот жгло. Может быть от пореза, а может быть и от горчичного пластыря. Всё равно ощущать это было весьма странно и необычно.

– Смотри, когда мы ездили на Ленинские горы, чтобы проверить, что произойдёт, если ты бухнешься в воду с большой высоты, помнишь?

Да, разумеется, я это помнил. Помнил свою раздвоенность и желание сигануть с камня в воду, чтобы узнать, что будет. Кивнул головой.

– Да, помню. Сейчас вообще то март. И я точно не собираюсь прыгать в холодную воду.

– Да не надо тебе прыгать именно в воду! Но что если ты снова прыгнешь? Но не в воду! Смотри, Сел... в тот раз ты этого сделать не успел, а я ушёл, ну... короче, у нас в районе есть старые гаражи. Они построены в несколько рядов и там постоянно ошиваются разные долбодятлы...

– Ты хочешь, чтобы я у вас между гаражами побегал и разогнал каких-то хмырей, или что?

– Нет, Селен. Ну, пошевели мозгами! Ты можешь спрыгнуть вниз с гаража. Там есть песчаная куча. Руки-ноги себе не сломаешь, но приземление будет жестковатое. Тебе просто нужно подойти к краю. У меня есть одна догадка. Что если твоя серая пелена возникла не просто так? А как предупреждение? Короче, давай разберёмся.

Предупреждение? Я об этом даже не думал. Почему-то сразу решил, что теряю свою особенность из-за подростковой перестройки организма. Как Робертино Лоретти терял свой голос. Я согласился. Мы договорились встретиться на выходных, а до этого времени мне придётся скрывать последствия своих необдуманных шагов.

Все эти дни под разными предлогами я прятался от родителей, стараясь, лишний раз не обращать на себя внимание. Они не возражали против моей усердной учёбы (как-то, переодеваясь, я не услышал отца, тот зашёл в мою комнату что-то спросить, и мне очень пригодился фолиант словаря, которым спешно прикрыл свой живот). Труднее было скрываться от мамы, возможно потому, что я и сам не очень-то хотел её обманывать.

Но я сдерживался, боясь её расстроить. Именно поэтому я обратился за помощью к Митьке, который верил в меня намного сильнее, чем я сам, а кроме того, умел находить решения. Он точно не расстраивался, узнав всю правду. Думаю, в немалой степени потому, что был, в отличие от меня, гениальным. Из нас двоих только Митька, мог помочь, когда я тупил и искал ответы на невозможные вопросы.

Он посоветовал выбросить футболку в мусоропровод, а куртку застирать, когда родителей не будет дома. Всё-таки, если пропажу футболки они не заметят, то отсутствие куртки вызовет вопросы. (Я же, в панике хотел от неё избавиться тоже) Я сделал всё, как он предложил – , пятна остались, но стали похожи на обычную грязь. И, казалось, если мама догадывалась о чём то, всё же ничего не заподозрила. А я думал в тот момент, что из меня получится идеальный преступник. Наверное, миру повезло, что у меня не было настоящих криминальных наклонностей в то время.

Я никак не мог привыкнуть к своему состоянию. Сейчас понимаю, что живот болел. Но тогда просто не знал, как реагировать. Было скорее неудобно, поэтому я продолжал делать свои дела. Мне предстояло ежедневно после школы проверять близлежащие улицы, прежде чем мама начинала волноваться. Часть этого времени я мог потратить на разглядывание домов и вывесок, но в тот день, помню, она вернулась рано, и я лихорадочно искал любую возмож-

ность, чтобы сбежать из дома. Цеплялся буквально за любую причину. И так вышло, что этой причиной оказался Митька.

Он позвонил, а я соврал, что ненадолго скатаюсь к нему. Не дожидаясь, пока родители начнут уточнять причину моей поездки, я выбежал за дверь. Проходя мимо кинотеатра, взглядом наткнулся на вывеску «Христос придёт!» висящую на его дверях. Тогда в начале 90-х, секты плодились как кролики, видимо после потери социалистической идеологии, всех сразу обуяла тоска по какой-то новой объединяющей силе, коей стала религия. Свято место пусто не бывает, как говорится, поэтому, даже в нашей школе по воскресеньям в спортивном зале обустроилось какое-то общество очередных свидетелей второго пришествия.

Всё началось, на мой взгляд, с приезда в Москву американского баптиста Билли Грэма с его религиозными проповедями, которые выглядели как шоу какой-нибудь знаменитой рок-группы, с прожекторами и декорациями. Я помню, проходил мимо Олимпийского дворца спорта, где тот выступал, и даже «разоружил» парочку особо ретивых и не совсем трезвых «христиан». После того, наш город заполонили многочисленные религиозные секты с послами разнообразных богов во главе. Все они твердили о скором конце света и провозглашали своих лидеров, как заместителей очередного мессии.

Пробегаю мимо той афиши, мне захотелось её как-то дополнить. Казалось, чего-то не хватает этому тоскливо-призывному слогану. Ну, придёт Христос, и что? Что он увидит?

Мои родители, в сфере их научной деятельности, были атеистами, поэтому и я вырос без должного почтения ко всему «потустороннему». С собой у меня были ГДР-овские фломастеры, которые кто-то привёз отцу из заграничной командировки, они были гораздо ярче отечественных, правда, очень быстро заканчивались. Поэтому несколько фломастеров я уже «дозаправил» спиртом, чтобы те продолжали писать.

Я подошёл и, не скрываясь, написал на вывеске под словами «Христос придёт!» – «Заплачет и уйдёт!». Буквы получились кривыми, но я несколько раз их обвёл с нажимом, поэтому они вышли не менее яркими, чем те, что были изначально написаны краской. Вряд ли, моя выходка разозлила бы Иисуса, если бы тот всё же решил прогуляться возле здания бывшего кинотеатра. Не думаю, что боги будут обижаться на человеческую глупость. В конце концов, если нас создали боги, то значит и все глупости в нас, создали тоже они. Впрочем, меня тогда это совершенно не волновало.

За этим занятием меня и застали две, проходившие мимо, женщины. Одна, увидев мои проделки, успела покачать головой, вторая открыла было рот, чтобы наверняка выкрикнуть какое-нибудь замечание, тут же, потеряла ко мне интерес. Обе направились в другую сторону, забыв обо мне и о несчастном плачущем Иисусе. Я понял, что мой «дар» никуда не делся. Или, по крайней мере, в таких ситуациях, действовал как прежде. «Да, нужно будет проверить» – подумал я и с нетерпением начал ждать выходных.

На улице было уже достаточно тепло, снег в нашем районе почти растаял, обнажая коричневые участки земли с разбросанным за зиму мусором. Почерневшие остатки снега смешивались с грязью и подгнившей листвой. В отличие от грязи, которой становилось всё больше, словно она сама разрасталась вместо травы. Дворники исчезли. Наш дворник – Михаил Наумович, тоже куда-то пропал и больше не появлялся. Позже я узнал, что он уволился и уехал обратно на родину, в Кировскую область.

Дворы никто не мёл. Похоже, люди и мусор с того года были предоставлены сами себе. Это бросалось в глаза. Ещё пару лет назад на улицах было гораздо чище.

Я шёл мимо домов, которые стали похожи на огромных серо-коричневых нахлывшихся городских воробьёв. Чёрные ветви деревьев придавали улицам, особенно в пасмурные дни, тленность и заброшенность. Фонари по вечерам горели не везде. Часть не работала, часть попросту была разбита. Но, создавалось ощущение, что люди не замечают этого или делали

вид, что их это не волнует. Разумеется, тогда появились новые проблемы, чтобы ещё обращать внимание на отсутствие лампочек или на то, как выглядят дома.

В то воскресенье я добрался до Митьки безо всяких приключений. И даже возле рынка не заметил ничего необычного. Помню, он встретил меня возле подъезда, сунув мне в ладонь домашний жареный пирожок и болоньевую продуктовую сумку.

– Давай, ешь! Бабушка вчера напекла. Я уже их объелся, не могу больше. Я тебе там ещё положил. С мясом и рисом. И с картошкой с грибами. Пошли, Сел, нас ждут великие дела!

Он повёл меня за высотные дома, мимо железной дороги, к какому-то пустырю, где, судя по старому котловану, когда-то намечалось строительство, но было уже заброшено. Мы завернули за пустырь, и снова вышли к жилым домам, за которыми находились старые гаражи с номерами на проржавевших дверях. Подведя меня к одному из них, Митька сбегал за него и вернулся со старой длинной деревянной лестницей в руках.

– Не спрашивай меня, откуда я знаю, про это место. – Он хмыкнул. – Однажды, отец мне высыпал «по первое число» за то, что я ползал сюда в младших классах. – С этими словами он поставил лестницу к коричневым воротам.

– Давай, лезь наверх.

Я с сомнением посмотрел на лестницу. Но вроде, та выглядела крепкой.

– Ну-ну, ты – командир. – Но я скорее шутил, нежели язвил. Быстро взобрался наверх. С крыши гаража хорошо было видно тот пустырь с котлованом, дальние многоэтажки и даже крышу Митькиного дома.

– Ну вот, я здесь, на крыше. Что мне делать? Давай, командуй дальше.

– Дуй, по крышам до противоположного ряда. – Он забрал у меня сумку с пирожками и махнул перед собой рукой.

Перепрыгивая через узкие проёмы, я помчался к последнему гаражу в том ряду. По крышам, которые сдваивались и страивались, бежать было удобнее. Митька не отставал. У самого края мы остановились.

– Теперь прыгай на следующий ряд. – Он указал на соседние гаражи. Те располагались противоположно друг другу, почти соприкасаясь задними стенками.

– Там под гаражом есть огромная куча песка. Давай прыгай с разбега в эту кучу! Она будет прямо по курсу, никуда не сворачивай. Если всё будет, как я рассчитал, то, когда ты прыгнешь, я снова попаду под твоё влияние. Давай, на счёт раз-два...

Я отступил несколько шагов назад, разбежался и через пару метров уткнулся в знакомое серое марево. Словно чей-то огромный серый зрачок в тот момент за мной наблюдал. Увидев знакомый бесцветный огонь, исходящий из чёрной точки, я инстинктивно затормозил и сразу позвал Митьку.

– Эй, Мить. Ты видишь это? Ты здесь? – Прислушался.

В ответ не услышал ни звука. Да, похоже, Митька прав. Он оказался под моим влиянием. Я не двигался, пытаюсь рассмотреть серые всполохи, чтобы понять, что они означают. Что это такое? И почему так внезапно возникают и мешают мне ориентироваться в пространстве?

Я остался на месте, мне хватило ума не сделать ещё один шаг вперёд. Рассмотрев струящиеся серые полосы, осторожно размахивая руками, как слепой в поисках точек опор, попятился назад. Серая пелена не сдвинулась, застывая весь окружающий мир. Я отошёл ещё ненамного, и та исчезла, оставив меня буквально в трёх шагах от края крыши. Вытянув шею, я попытался рассмотреть, что было под гаражом, но ничего необычного не увидел. Дальше пролегла дорога, а за ней ещё два ряда таких же сдвоенных гаражей. Митьки рядом уже не было.

«Ну, точно, ушёл» – подумал я и, перепрыгивая через проёмы, бегом припустился обратно. На секунду кольнула мысль, а что, если Митька убрал лестницу? Тогда не смогу спрыгнуть. Но, к счастью, лестница была на месте, а вот моего друга нигде не было.

Я осторожно спустился, обошёл ряд гаражей ещё раз, но Митька исчез. Снова подумал: «А что, если он снова ушёл за тем своим призрачным парнем в костюме? И спрыгнул за ним вниз?» Но тут же отринул эту мысль, так как видел, что под гаражами никого не было. Поэтому решил, что вначале нужно проверить, вернулся ли он домой.

Проходя возле гаража, с которого чуть не сиганул вниз, я не увидел никакой песчаной кучи. Лишь ощутил, как мурашки бегают по спине и шее. Да, песок здесь недавно был, о чём показывали свежие сметённые следы. Получается, если бы меня не остановило это серое марево, я с разбега ухнул бы об асфальт, и к этим песчаным разводам добавились ещё и красные брызги. Я точно переломал бы себе ноги. Гараж был высоким, метров шесть высотой.

Меня осенило – это возможно барьер защиты! Выходит, бессмертным я не был стопроцентно, как не был защищён от других травм. И этот гигантский серый цветок предупреждал меня об этом на самом краю опасности. Черта, которую нельзя переходить.

С этими мыслями я прибежал к Митьке, постучал в дверь, обитую бордовым дерматином, и, переминаясь с ноги на ногу от волнения, стоял, в надежде, что та откроется. По началу, ничего не происходило. Я начал уже гадать, куда тот мог уйти? Но через пару минут нервного ожидания, дверь отворилась и оттуда, как ни в чём не бывало, показалась Митькина голова. Из проёма пахло жареными пирожками.

– Ну, и? – Вместо приветствия произнёс я.

– Селен! Ты чего тут делаешь? Давай заходи, сейчас пирожки есть будем! Я уже их наелся, в меня больше не влезет.

– Да-да, ты мне это уже говорил. – Я усмехнулся.

Он открыл дверь настежь, и я сразу вошёл.

– Что, опять? – Он скорчил скорбную гримасу. Я кивнул.

– Короче, всё получилось. Ты прав. Я снова увидел этот серый всполох... – Начал я, но увидев Митькиных родителей, осёкся, спешно поздоровался и скрылся в Митькином «убежище», как тот называл свою комнату, в которой развернулся во всю свою «ботанскую» прыть.

На стенах висели его детские рисунки, какие-то старые семейные портреты, плакаты, посвящённые космосу и прикладной физике, и всё это дополняли листы А-3 с пожелтевшими чертежами и электрическими схемами. Под потолком, рядом с плоской люстрой-«тарелкой», кошмарного оранжево-коричневого цвета, покачивались модели самолётов, которые Митька клеил на протяжении многих лет.

Да, в этой комнате жил неординарный человек, но именно этим он мне и нравился. Митька был очень логичным и вместе с тем, каким-то взбалмошным, мог придумать что-то совершенно фантастичное и всегда знал ответы на все вопросы. Он всегда пытался найти выход, даже в тех ситуациях, когда я видел лишь тупик. Поддерживал мои начинания и рассеивал все сомнения.

Я рассказал ему, что не смог спрыгнуть вниз, из-за серой пелены. А когда та исчезла, то никакой песчаной кучи возле гаража не обнаружил.

– Её увезли, Мить, похоже, совсем недавно.

– Вот чёрт, Сел, я не знал! Честно. – Он ужаснулся, лицо побледнело, и его губы сжались в одну узкую полоску. – Ты же мог убится! Вот я баранья башка! Этот песок там с февраля лежал. Ещё вчера был. Честно, Сел!

Я заметил его испуг и мне почему-то стало стыдно.

– Мить, да всё нормально. Зато ты прав, никуда мой «дар» не делся. Серый всполох – это защита. Я разобрался, что он означает. Это барьер, за который мне нельзя заступать. Последнее предупреждение. Ты был прав, понимаешь? Теперь, если его увижу, буду знать, что впереди меня ждёт что-то нехорошее и опасное. И дальше идти нельзя ни в коем случае. Мить, я буду знать, когда мне грозит опасность, понимаешь? При желании, конечно, я могу убится, но во-первых, я дурак что ли? Во-вторых, предупреждён, значит, как говорится, вооружён. Так, что

наоборот, Мить, твой эксперимент удался, и я выяснил, что со мной! – Я испытывал торжество и стыд одновременно.

– Всё равно. Больше, Сел, не буду предлагать тебе настолько опасных экспериментов. Я не могу допустить, чтобы ты так бездумно следовал моим дебильным советам. Прости. Если бы ты там сломал себе ноги? Вот чёрт... – бледность его лица пугала меня даже больше, чем возможность упасть с крыши гаража.

– Не извиняйся, Мить. Без твоего предложения я бы не разобрался с этим вопросом. – Отмахнулся. Не хотел больше развивать эту тему. – Сам виноват. Я же решал, что мне делать. Митька глубоко вздохнул.

– Кстати, как там твой живот? Не болит? Всё нормально?

– Да всё нормально. – Я не соврал ему. О порезе я уже забыл. Кожа затянулась, оставляя вместо длинной красной черты, такой же длинный розовый рубец. Другого бы это огорчало, а для меня это стало познанием доселе неведомого. Сродни чуду и открытию.

Мы договорились больше не рисковать. И если я решу что-то сделать, обязательно буду ставить его в известность.

Всю следующую весну я посвятил учёбе и ставшими уже привычными, прогулкам по улицам своего «района». В тот год, до того как на улицы ворвалась «организованная рыночная экономика», город охватил короткий, но бурный период одержимости свободной торговлей. Столь вовремя появившиеся «барыги» с их магазинчиками и палатками, устраивали распродажи «палёной» водки и коньяка. (Настоящий коньяк туда просто не привозился, всё равно он был не по карману большинству завсегдатаев этих палаток.) Мы же с Митькой каждую пятницу или субботу вечером гуляли мимо этих очередей.

В то время мы многого не понимали, думая об этих людях как об «алкашах», потому что те покупали алкоголь, хотя надо признать, многие из них выглядели совсем не похоже на спившихся маргиналов. Я считал этих людей, не смотря на свой располагающий вид, несчастными пьяницами, испытывая пренебрежение. Они постоянно находились возле магазинов и курили в ожидании, а запахом перегара и табака пропиталась даже близлежащая улица.

А я был дураком и развлекался. Помню, когда проходил мимо палаток, если что-то и говорил стоявшим в очереди, то обязательно приправлял свой крик каким-нибудь непристойным словом, чтобы вызывать конфликт. Как ни странно, настоящие конфликты в тех очередях почти отсутствовали. Сейчас уже знаю, что стояли там зачастую не алкаши, а обычные граждане – учителя, библиотекари, инженеры... Которые покупали поддельный «Слынчев Бряг», чтобы позднее расплатиться им, за какую-нибудь услугу. И, разумеется, все они не знали, что чаще всего покупали обычную подделку. Да и я этого не знал.

Водка, как и другой алкоголь, в те времена был в ходу наравне с деньгами. Ей расплачивались, дарили, ставили на праздничный и поминальный стол. Денег у населения становилось исчезающе мало, многие в том году, получив приватизационный «ваучер» обменивали его на этот алкоголь. Помню, у одного из «барыг» на прилавке палатки так и было написано – «продаю за ваучеры».

Для меня история с «ваучерами» началась, когда родители принесли две бледно жёлтых бумажки, похожих на банкноты и торжественно положили их в шкаф за стеклянную дверь. Когда я спросил, что это такое – мне ответили: ваучер. Словно я должен был сам догадаться, что именно это значит. Они часто разговаривали со мной, как со взрослым, ничего не поясняя. А я либо догадывался, либо позже искал ответы в энциклопедии.

Позднее, когда сам его получил, узнал, что это был некий приватизационный чек, дающий право на приобретение государственного имущества. Мне не пришло в голову вложить его во что-нибудь или продать, как в то время чаще всего и поступали. Я отдал его родителям и успешно забыл на многие годы.

Позднее я прочитал, что за эту ценную бумагу можно было что-нибудь купить и всё зависело от удачи продавца или покупателя. Кто-то покупал себе машину, кто-то шубу, кто-то всего одну бутылку «палёной» водки.

К концу 1992, перекупщики стояли почти на каждом углу, предлагая за них деньги. Люди охотно соглашались, не разбираясь, зачем была нужна эта ценная бумага. Тогда я тоже не придавал этому значения. Сейчас понимаю, что был свидетелем накопления «грязного» капитала в руках единиц. Собственно, позднее Кира, будет объяснять мне практически то же самое, только с другой целью.

В декабре 1992 года отец принёс домой видеомэгнитофон «Электроника ВМ-12», который я воспринял как некое чудо, а папа как удачное вложение тех самых ваучеров.

На следующие несколько месяцев мой «дар» потерял всю свою привлекательность. Именно из-за «видака» я забросил учёбу, «эксперименты» и свои «дозорные» прогулки после школы. Иногда ко мне приезжал Митька, и мы часами смотрели с ним боевики.

В те дни я даже не думал, что возможно влиял на то, что происходило в моём районе. На новогодние праздники, совсем не далеко от моего дома был убит ребёнок – мальчик шести лет. Убийца взялся, словно из неоткуда, и исчез в никуда. Я наверняка мог спасти мальчишку и предотвратить нападение. Но в тот вечер я наслаждался просмотром «Крепкого орешка-2».

Глава 11

Если я стану такими как они, думал я, глядя на героев Брюса Уиллиса и Сильвестра Сталлоне, не исключено, что Кира однажды обратит на меня внимание. Но даже эти мысли отодвинулись на второй план, так как фильмы наполнили мою жизнь смыслом. Они давали иллюзию реальности и эмоциональной правдивости. «Видаки» позволили мне вновь почувствовать себя полноценным. Я забросил прогулки, потерял интерес к старому кинотеатру, видеосалонам и «барыгам» с их подпольными товарами. Даже Митьку постепенно от себя отвалил. Тот постоянно звонил и трындел, чтобы я перестал тратить время на ерунду, но я лишь отмахивался и продолжал мечтать о несуществующем.

Больше всего мне нравились именно «боевики». Полностью погружаясь в происходящее на экране, я представлял себя кем-то из героев. Тогда не обращал внимания на то, что голоса переводчиков были гнусавыми, а лиц актёров, чаще всего было почти не видно. Копии фильмов перезаписывались по несколько раз, теряя в качестве, и до меня доходили уже даже не третьи и не четвёртые варианты записи. Когда видеомэгафон появился в доме, торжественно водружённый отцом на тумбу возле стены большой комнаты, я вообще смотрел эти фильмы в «чёрно-белом» варианте. Затем отец что-то начудачил, по схемам из журнала «Радиолобитель» и собрал декодер, который превращал чёрно-белую картинку фильмов из режима PAL в цветной SECAM.

Митька продолжал звонить по вечерам и звать меня с собой на прогулки, но каждый раз я находил причину, чтобы отказаться и никуда не идти. Открывая неограниченный доступ в какой-то совершенно новый мир, я отдалял себя от реальности всё больше. В этих фильмах главными героями были не сомневающиеся в себе и не ошибающиеся люди. Рэмбо, Рокки, непобедимые каратисты Ванн Дамма и пьяный мастер Джеки Чан, которые стали идеальным воплощением мужика.

Они предлагали нечто иное, чем располагал я – удачу и обязательную победу добра над злом. Их помыслы были благородными, а раны – не смертельными. Взирая на экран нового телевизора «Голдстар», я одновременно чувствовал себя неудачником и человеком, который мог стать такими как они. Робкие мысли о собственной трусости и побега от реальности, я отгонял ежевечерним просмотром нового фильма. Это было гораздо проще, чем задумываться о собственных неудачах, равнодушном взгляде Киры и обязанности, которая уже тогда легла на мои плечи. Я должен был помогать тем, кому мог помочь. Но трусил. Нужно признаться, я даже и каплю не был похож на тех крутых парней с экрана. С одной стороны эти фильмы научили меня быть добрее к людям, но с другой стороны, усилили моё неправильное восприятие окружающего мира. Я стал социофобом.

Возможно, так продолжалось бы гораздо дольше и вылилось бы во что-то совсем неприятное, но в то время было не так легко достать видеокассеты. В моём доступе их было не так уж и много. Часто я пересматривал одни и те же фильмы, и постепенно это начало надоедать. Какое-то время по привычке бегал на местный рынок, чтобы найти себе что-то для просмотра, тратя карманные деньги уже не на ириски, а на видеокассеты. Но, во-первых, те стоили всё дороже, а денег у меня было всё меньше. Во-вторых, многие продавцы привозили одни и те же популярные фильмы, а я их к тому времени уже все пересмотрел. За отсутствием большего количества новинок, я потерял интерес к видео, так же быстро, как и увлёкся. Типичное подростковое состояние.

Порез на животе зажил, но я проглупил, не обратившись к хирургу, поэтому остался очень заметный шрам, который как мог, скрывал от родителей. Получив представление о «настоящей мужской крутости», я тоже решил заняться собственной физической подготовкой. Это конечно очень смелое заявление. Мужики в тех фильмах выглядели достаточно спор-

тивными и мощными, а я при всём желании не мог бы назвать себя даже – просто крепким. Конечно, я мог незаметно «просочиться» в «качалку», но зная свои силы и понимая, что всё равно не смогу там заниматься, этого не делал. Тем более без базовых знаний, я даже не представлял, с чего мне нужно начинать.

Чтобы восполнить пробел в знаниях, я позаимствовал у одного из «барыг» само-изданную брошюру про систему Вейдера. Да, именно позаимствовал, полистав и изучив определённые главы, я вернул её обратно.

Разумеется, сразу у меня ничего не получалось. Природа и гены позаботились, чтобы я навсегда остался тощим «дрищём», даже если буду «качать железо» до посинения. Зато к весне 1993 года я уже мог без одышки пробежать десятков километров в парке ЦДСА, который сейчас известен, как Екатерининский. Мои показатели улучшились и на физкультурных занятиях в школе. Я спокойно отжимался и неплохо играл в волейбол. Возможно, из-за этого меня и приняли в школьную волейбольную команду.

Но всё равно я оставался тем же худосочным верзилкой с бледной кожей и тёмными волосами. словно вся моя физическая сила росла мышцами внутрь, а не наружу. Иногда, замечая своё лицо в отражениях, я думал о пандах. Представьте себе тощую как жердь, бледную панду с черными пятнами глаз и волос на голове. Очень сложно такое представить, но именно так я и выглядел.

Я ещё засматривался на Киру, но уже понимал, что мне ничего не светит. Конечно, она меня не замечала, хотя иногда подходила совсем близко во время подготовки к школьным олимпиадам и даже однажды села рядом со мной на уроке астрономии. Это был один единственный раз за всю мою школьную жизнь. Какой-то счастливый случай, думал я тогда. И каждый раз, когда она оборачивалась в мою сторону, скользя мимо меня взглядом, я замирал. Моя одержимость ею усилилась, но, увы, в тот момент никто из парней её не интересовал. Она часто щебетала с подружками, и, подслушав один из таких разговоров, я понял, что интересовали её не парни, а кинозвёзды. Так что мне можно было сматывать удочки и перестать думать о ней. И если бы я мог это сделать...

Как назло, наступил период, когда девчонки стали обгонять нас парней, в своём развитии. В том числе и физическом. У Киры появились, что и говорить, аппетитные округлости, которые в сочетании с тонкой талией давали незабываемый эффект. К тому же её популярность в школе только усилилась. Она слыла главной активисткой, состояла в школьном Совете и шла на золотую медаль. У неё даже образовалась своя «свита» из девчонок, которые всегда сопровождали её, куда бы та ни шла. Киру никто никогда не «задирали», очень любили учителя и одноклассники. Я ни разу не замечал за ней никаких эксцессов и скандалов. Она со всеми была приветлива и спокойна. Но было в ней что-то такое, что заставляло всех подчиняться её словам, делая безусловным лидером класса и даже всей параллели. Со стороны могло показаться, что та была высокомерной, но нет, она всегда обходительно и вежливо общалась со всеми, кроме меня. По правде сказать, я больше не решался к ней подходить, чтобы получить свою порцию её спокойных, но равнодушных любезностей.

В тот год в школе стали проводить всеобщие школьные «дискотеки» для учеников средних и старших классов. В одну из суббот я решил сходить на танцы для старшеклассников. Музыкальный выбор того времени – это конечно отдельная тема для разговора, один «Ласковый май» чего стоил, кошмар и ужас моего слуха. Но нам, в то время, было всё равно подо что танцевать. Те самые первые школьные дискотеки были организованы практически нашими руками. Старшеклассники, у кого имелись кассетные магнитофоны, приносили их в школу, подключали к усилителям и врубали музыку на полную громкость. Они сами сделали «светомузыку» из старого проблескового маячка и пяти больших ламп, окрашенных разной краской. От старого школьного театра нам достался «зеркальный дискошар», который подвешивали под потолок актового зала и вручную направляли на него лучи светомузыки.

Первое время музыкальный репертуар был так себе, что было на кассетах, то и гоняли. От «Технологии», которая познакомила нас с семплами «Депеш Мод», «Мальчишника», который надо сказать, был негласно запрещён за фривольную тематику, «Кар-Мэна», который как раз отлично подходил для подобных танцев. До «Сектора Газа» и Тани Булановой. Если на кассете попадались «Депеши» или «Ерасуре», то это было невероятной удачей. Конечно, правильно произносить название этой группы – «Ирэйже», но все у нас её называли, почему-то именно так – «Ерасуре». Однажды даже, помню, кто-то по ошибке поставил альбом «Энигмы», которая, как известно, абсолютно не подходящая музыка для дискотек. Но внезапно у девчонок она стала невероятно популярной, наравне с запрещённым «Мальчишником» и те, постоянно заказывали на школьных танцах именно её.

Я часто стал посещать эти дискотеки. Конечно, об истинной причине никто не догадывался. Даже Митька. Я ходил туда вовсе не для того, чтобы подрыгать ногами на скрипящем полу актового зала, а чтобы увидеть Киру в модной обтягивающей кофточке. Она любила повеселиться и очень неплохо танцевала, двигаясь как-то по-взрослому, плавно и чувственно. Не по-детски угловато, как танцевали её одноклассницы. И я знал, что в эти моменты, не только моё сердце замирало.

Она появлялась всегда в окружении неизменной стайки девчонок. Заглядываясь на неё, я сам не желая того, выполнял функции охранника школьных дискотек. И как вы понимаете, драк у нас не случалось. Но так было только там, где находился я.

Помню, на школьном вечере в честь Восьмого марта, я слонялся без дела, всё так же исподтишка поглядывая как Кира танцует. Я не буду говорить того, что думал в те моменты. Но еле сдерживал себя, чтобы не подойти и тем самым не скомпрометировать себя.

Обычно наши местные «диск-жокеи» из одиннадцатого класса (да, помню, мы перескочили сразу через класс из-за новой реформы образования) настроив аппаратуру, чаще всего уходили танцевать сами, а то и вовсе покурить возле туалетов. Конечно, многие парни тогда курили тайком от своих классных руководителей.

Взрослые, присматривавшие за подростками, или ничего не замечали, или просто не обращали на это внимания. Я, помню, тоже пару раз пытался затянуться. Но видимо мой организм решил, что мне не стоит. Кое-как откашлявшись, плюнул на эти попытки. В мире оставалось ещё много отравы, которую я попробую позже.

Дискотека шла своим чередом, как вдруг в зал вбежал один из старшеклассников и запрыгнув на сцену, остановил оглушающую музыку, а затем заорал в микрофон: «Там наших парней бьют на улице!» Меньшая часть учеников осталась на месте, а все остальные ломанулись к выходу через весь зал. Разумеется, я тоже.

На улице шёл морозящий мартовский дождь, снег под ногами смешивался с водой и грязью, мои ботинки намокли за пятнадцать минут. В этот раз драка проходила не на пустыре, а за школой, где стояли жилые многоэтажки. Когда я добежал, мне открылся удручающий вид: примерно двадцать человек молотило друг друга, не на жизнь, а на смерть. Подростки всегда дерутся с особой жестокостью из-за маленького опыта и отсутствия психологических границ.

В тот вечер я впервые познакомился с драками «район на район» или «стенка на стенку». После чего, те стали не редкостью. Москва словно разделилась на кучу маленьких княжеств, где главенствующие «альфа-самцы» защищали свои «прайды» от посягательств чужаков с других территорий. Внезапно мой город стал – не городом, а государством, в котором образовались новые границы. И не будь у меня «дара», я бы больше не смог просто так вечерами ездить к Митьке в Лефортово, на другой конец Москвы.

Разумеется, ту драку удалось нейтрализовать. Парни начали неторопливо расходиться, как только я подошёл ближе. Кто-то из них придерживался за рёбра, у многих были разбиты носы. Большая часть ребят были «не из нашего района» и те были явно младше, возможно моими ровесниками и похоже, не они были зачинщиками столкновения.

После этой драки я окончательно распрощался с «видаками» и вернулся к своим уличным прогулкам. Я наконец понял, что героем из фильмов мне никогда не стать, вокруг меня просто не было всех этих мировых заговоров и всесильного зла, которое легко побеждали хорошие парни. Я находился в самом низу «пищевой социальной цепочки» и вместо того, чтобы мечтать о победе над пришельцами, я вполне успешно мог делать то, что у меня получалось лучше всего.

В тот вечер школьные дискотеки временно закрыли. Лишь в день выпускного бала для одиннадцатиклассников было дано послабление. Я не расстроился. Сожалел лишь о том, что не мог больше видеть Киру вне школьных занятий, в её обтягивающей кофточке и клетчатой мини-юбке. Но, с другой стороны, я почувствовал некое облегчение, потому что так мне было проще совладать с собой. Она вызывала слишком много эмоций.

Но та словно догадываясь об этом, к концу года совсем перестала носить школьную форму, ходила в соблазнительных обтягивающих свитерах и необычных мини-юбках. Так что для меня, можно сказать, всё возобновилось. Я продолжал погружаться в одержимость ею.

В тот вечер, после драки между подростками, я собрал всю свою смелость и предложил Кире проводить её. Мало ли, кто привяжется к такой красивой девчонке. Придурков в нашем районе тогда хватало. Несмотря на её «свиту», был уверен, что в случае чего – те не смогут её защитить. Поэтому, по привычке расправив рубашку и представляя себя кем-то из героев просмотренных мною многочисленных фильмов, быстрым шагом подошёл к ней со своим дурацким предложением. Лучше бы я этого не делал. Она, увидев меня, улыбнулась. Но улыбка получилась какой-то странной, жалостливой что ли.

– А, Селен, привет. Я не знала, что ты тоже ходишь на дискотеки. – Я кивнул и выпалил своё предложение. Она посмотрела на меня как на сумасшедшего и, наверное, судя по её лицу, была готова расхохотаться.

Я догадывался, что, скорее всего, та хотела, чтоб её сопровождал кто-нибудь типа Сильвестра Сталлоне, а не худой одноклассник с вечно торчащими волосами. Разумеется, она отказалась. Очень вежливо и беззлобно. Как всегда. Но я был посрамлён не только в её глазах, но и в своих тоже. И чувствовал себя невероятно глупо. – «Митька был прав, никогда, такая как она, не посмотрит на такого как я».

Конечно, мне было далеко до «альфа-самца». Я был странным, и переживал эти чувства по-своему. Но подростковая любовь не имеет границ и поэтому я не отступил и сделал это незаметно. Я же говорил, что в сказках для девочек был бы сам на стороне зла. Провожая её тайно, словно я сам – маньяк, следовал за ней так, чтобы та меня не замечала, но была при этом в полной безопасности. Тогда я сделал это впервые.

Она жила совсем не далеко от школы. С тех пор я провожал её каждый день. Это стало новой целью. Банально, конечно, но она была моей первой любовью, и я хотел её уберечь от любой неприятности. Кроме Митьки об этом никто не знал. Мне кажется, ни один парень в моём возрасте не будет посвящать в свои сердечные тайны весь окружающий мир, в отличие от девчонок, которые могли разрисовать сердечками все поля в тетрадах.

Я провожал её до самого окончания школы и, разумеется, ни разу не попался. Хотя и в учебное время тоже старался не попадаться той на глаза. Делал вид, что мне всё равно – есть она или нет. Даже в те дни, когда она подходила ко мне сама и просила списать «домашку» по физике.

Как ни странно, почему-то ей никак не удавалось постичь этот предмет. Чтобы сдавать на пятёрки, она часто просто зубрила. Я же молча отдавал ей свою тетрадь, та списывала задание, и иногда, что-то спрашивала. Я же делал вид, что мне некогда, вскакивал как идиот и выходил за дверь класса. Моё сердце стучало в висках, а я, ругая себя последними словами, всё равно продолжал так делать. Может быть, в её глазах я выглядел обиженным парнем, кото-

рого отвергли. По крайней мере, долгое время именно так и думал. Конечно, я ошибался. Она вообще никогда не думала обо мне, в те годы. Гораздо позже, она сама расскажет мне об этом.

Я стыдился своих чувств и очень страшился, что она обо всём догадается и засмеёт перед всем классом. Но, похоже, догадалась не Кира, а мама. Во-первых, я внезапно согласился на её приглашение пойти за покупками, что никогда не случалось. Во-вторых, я терпеливо выдержал все примерки. Помню, чтобы в детстве затащить меня в магазин, мама перед этим всегда покупала мой любимый пирожок с лимонным повидлом в нашей столовой. Без сладкого допинга я в магазины с ней не ходил. Исключением был разве что, Детский Мир, но как раз туда меня брали очень редко.

По пути в магазин мама без обиняков и экивоков спросила:

– Селен, скажи, тебе кто-то понравился из девочек?

Я смущённо отмахнулся.

– Да ну, мам...

– Не нужно говорить, я и так это поняла. В последнее время с тобой что-то творится. Твой отец вёл себя точно так же, когда встретил меня. Эх, сын, судя по твоему лицу, у тебя явно невзаимная симпатия.

Я кивнул, но ничего не сказал.

– Ну, значит, поболит и пройдёт. Все через это проходят. Это химия и биология. Никуда от этого не денешься. Но одно могу сказать точно, ты хороший человек, Селен и когда-нибудь какая-нибудь девушка тебя оценит. Не торопи это время, наслаждайся жизнью. Ну и, по крайней мере, я смогла выцепить тебя, чтобы купить тебе новую рубашку. – Она улыбнулась. – Уже полдела. Ты же у меня как из романа Гюго. Оборванец. – Она кивнула на мою смятую одежду. – Посмотри на себя.

Государственные магазины уже тогда были практически пустыми, зато так называемые «комки» – коммерческие торговые точки были заполнены разнообразным барахлом. И если в первом, одежда была из качественной ткани, хорошо скроена, но, увы, никогда не попадала в размер, то во втором случае, можно было подобрать и под свой рост, и под свой размер, но ткань чаще была плохой. Она электризовалась, и швы расползались чуть ли не в руках. Я никогда не следил за модой, поэтому обычно уходил из магазинов не солоно хлебавши. Удобство и качество в одежде для меня было главным фактором.

В те дни родителям начали задерживать зарплату, и я видел, как мама тайком поглядывала на какие-то женские безделушки в тех торговых рядах. Она задерживала взгляд на помадах и коробочках с тенями, вздыхала и шла дальше. Я не был слепым и замечал, что в тот момент ей очень хотелось всё это купить. Поэтому перемерив кучу рубах, я отказался от покупки, предложив маме купить себе косметику. Всё равно новая рубаха не сделает меня тем, кем я хотел быть. А вот мамино настроение будет улучшено покупкой новой помады.

Вечером позвонил Митька, предложил встретиться и тревожно, каким-то глухим голосом попросил моей помощи. Конечно, я, не раздумывая согласился, даже не предполагая, что нужно сделать. Не забегая домой, сразу после школы помчался к нему.

Выйдя на остановке, наткнулся на каких-то образин, которые громко орали и матерились. Один из них сделал шаг по направлению ко мне, но остановился. А я поймал себя на мысли, что хочу подойти и надавать им по шее за эти их недружелюбные взгляды и крики. Это было новое чувство. В глубине моего разума рождались дикие мысли, что я могу безнаказанно избить любого человека. Я сразу выделил для себя это чувство. Но мало того, мне самому хотелось наказывать людей. Наказывать, по своему разумению. Я ощущал, как во мне зарождалась злоба и агрессия, которая могла вознести на любую высоту, но тогда себя одёрнул и сдержался.

Митька встретил со встревоженным лицом.

– Сел, заходи. Я просил тебя не ввязываться в неприятности... Но сейчас мне нужна твоя помощь, прости.

– Да, разумеется. Давай рассказывай, что у тебя.

– У нашей соседки муж вернулся из мест не столь отдалённых. И, похоже, он бьёт её. У них там пацан мелкий... Короче, вчера опять была ссора. Мы вызвали участкового. Тот приехал, но, блин, вообще ничего не сделал. Соседка с сыном у нас весь вечер скрывалась, а этот урод нам ногами отбил всю дверь. Сел, помоги. Я не знаю, к кому ещё обратиться. Отец пытался с ним поговорить, но тот ничего не слушает. Лезет драться.

Я задумался.

– Мить, я повлияю, но это только на сегодня. Завтра он проспится, наваждение спадёт и всё начнётся по новой. У меня получаются только кратковременные вмешательства, ты же знаешь. Но что будет с твоей соседкой завтра? – Он отмахнулся: «Что-нибудь придумаем, главное выиграть время для мелкого».

Я пошёл за Митькой к соседям. Постучал в дверь, заметил, та была очень старой, поцарапанной и вся в каких-то грязных разводах. Но за ней явно кто-то находился – доносились голоса и скрип. Я постучал ещё раз. Нам открыл заспанный мужчина, уставившись на меня красными заплывшими глазами. Постоял с минуту, затем хрипло произнёс:

– Чё надо? Чё, вам, пацаны?

На мой взгляд, мужик выглядел совсем не агрессивным, скорее заспанным. Но судя по Митькиным рассказам, всё это фикция и ненадолго. Вечером всё грозило повториться. На заднем плане, за мужиком, в глубине прихожей я увидел маленького кудрявого парнишку в трусах и красной кофточке не по размеру.

Мужик уже хотел закрыть дверь обратно, но я выставил ногу, не дав это сделать и сходу заорал на него, вспоминая тех парней на остановке, выкрикивая все самые гнусные и нехорошие слова. Да, в тот момент, я его возненавидел, дав волю своей новой агрессии. Во мне снова появилось желание наказать, ударить и бить его пока не устанет кулак. Мужик на долю секунды опешил и тут же успокоился, потеряв к нам всякий интерес. Он как сомнамбула, не запирая дверь, ввалился внутрь квартиры. Мальчик в красной кофточке тоже куда-то ушёл. Больше на тот момент я ничего сделать не мог.

– Мить, позвони участковому, скажи, что он снова напал на вас. Пусть его заберут хотя бы на пятнадцать суток. Может, придумаем, как быть дальше.

Но мы не успели придумать. Чуть позже, Митька позвонил, и каким-то бесцветным голосом сообщил мне, что он сам со всем разобрался.

Глава 12

Митька поступил на физмат МГУ, причём как-то легко и без напряжения. Когда это случилось, он поведал об этом, словно ничего выдающегося не произошло. И у меня сложилось впечатление, что я рад был куда больше, чем он. Я в нём и не сомневался. Его теоретических знаний хватило бы на дюжину человек, но что касалось бытовой практики, то иногда тому не хватало опыта.

После того звонка Митька куда-то пропал, не приезжал и не звонил. Со времени его исчезновения прошло уже два месяца. Поначалу я не придавал этому значения, мало ли, человек недавно поступил в ВУЗ, у него началась своя жизнь, и наверняка ему было некогда слоняться со мной по вечерним переулкам.

Я иногда звонил вечерами, но не задумывался о причине почему трубку постоянно поднимала Митькина мама. Получая ответы: «Митя на учёбе в университете» или «он куда-то вышел», я успокаивался и ничего не подозревая, занимался своими делами. Это продолжалось довольно длительное время, пока однажды в мою голову не закрались сомнения и тревога – почему тот перестал подходить к телефону?

Как-то после одного из таких звонков, она встревоженно спросила меня – «Не поссорились ли мы?» Я ответил:

– Разумеется, нет, мы не сорились.

– Селен, у вас точно всё нормально?

– Да. – Я встревожился не на шутку. – Что-то случилось? Почему Митя не берёт трубку сам?

– Я не знаю, Селен. Он запирается в комнате и не хочет разговаривать, говорит – слишком много задают. Я волнуюсь...

– Он не хочет разговаривать вообще или не хочет разговаривать именно со мной?

– Я не знаю. Но он просто отказывается говорить по телефону. Говорит – это трата времени.

Я спросил разрешения подъехать и не получив отказа решил сделать это на следующий же день. Но попытка была неудачной. Я не застал его дома.

Похоже, Митька избегал меня. Почему? Я не мог сообразить. Перебрал все случаи последних встреч, но ничего необычного не припомнил. Но не нужно быть детективом, чтобы понять, что с ним всё-таки что-то произошло. Может его снова избили? Или вновь «достают» в университете? Но я сомневался в этом, наверняка, если бы случилось нечто подобное, он обратился ко мне за помощью в первую очередь.

Я ещё несколько раз ездил к нему, но никогда не заставал того на месте. Его бабушка, которая чаще всего открывала дверь, качала головой и говорила: «Мити нет дома. Мне жаль, Селен. Приезжай в другой день. Может, хочешь перекусить?» Я благодарил, отказывался и возвращался обратно. И так в течение пары недель. Сотовых телефонов тогда ещё не было, поэтому я не мог напрямую позвонить и узнать, «какого фига» происходит?

Время шло, а он так и не проявлял себя. Я не находил себе места и поэтому решил изменить тактику посещения, решил заявиться к нему не вечером после уроков, как обычно, а прямо с утра, намереваясь застать его до того момента, как он уйдёт на занятия в университет. И выбрав наименее загруженный день, решил прогулять уроки. До этого созвонился с его родителями, чтобы узнать, как у него дела. На что мне ответили – «он занимается и не может подойти», что «нет, ни с кем не конфликтует. И да, здоровье нормальное. Не болеет». В очередной раз позвали в гости и положили трубку.

Обычно перед школой я бегал в сквере не далеко от дома. Понимая, что качать железо у меня не получится, а учиться драться, мне вообще было без надобности, я решил трениро-

ваться, бегая на длинные дистанции. Именно благодаря ежедневным пробежкам мне удалось к тому времени даже слегка набрать мышечную массу. Но в одежде я всё равно выглядел долговымязым Дракулой и тощей пандой.

Я приехал к нему около семи утра. Сдерживая дыхание, бегом поднялся по лестнице (лифт, как всегда, не работал) и постучал в дверь. Но мне никто не открыл. Я постучал ещё раз, но за дверью затаилась тишина. Похоже, дома вновь никого не было. Я несколько часов прождал возле двери, но на мои призывы так никто в тот день и не отозвался.

Честно сказать, в университете, где Митька учился, я ни разу не был и понятия не имел, где его искать.

Конечно, я волновался за друга, так как пребывал в полном неведении. В последующие дни, на мои звонки перестали отвечать вовсе. Митькины родители и бабушка тоже куда-то исчезли.

Со стороны казалось, что ничего не изменилось, я продолжал учиться, тайно провозить Киру домой, бродить по улицам «своего района», но внутри себя ощущал полную разбалансировку. Даже мечты о Кире не приводили меня в равновесие, я продолжал беспокоиться за друга, мало того – я за него начал бояться. Поэтому, ничего не сказав родителям, прогулял ещё один день, надеясь на свой «дар» и обычную незаметность. Хотя не сомневаюсь, моего отсутствия точно никто и не увидел.

В тот раз прождал его до самого вечера. Всё повторялось, мне никто не открывал, и из-за двери не доносилось ни звука. Во мне бушевали смешанные чувства, злость переходила в недоумение, недоумение трансформировалось в тревогу. Постепенно та менялась колким страхом и неуверенностью, что я всё делаю правильно. Поэтому решил не отступать, и раз день всё равно потерян, дождаться хоть кого-нибудь, может даже постучаться к соседям, чтобы узнать какую-нибудь информацию. Я уже был готов на всё, что угодно, чтобы разобраться с этой проблемой.

Проторчав довольно длительное время возле Митькиной квартиры, я рассчитывал подождать на улице, понимая, что если какие-нибудь бдительные соседи видели меня через «глазок» на лестничной площадке, то могли уже вызвать милицию, рассказав про подозрительного хлыща у соседской двери.

Вечерело. Мне надоело целый день просиживать на детской качели, к которой иногда подходили дети и опасно косились на меня, не решаясь попросить покачаться. В последней надежде, я решил ещё раз подняться к Митьке, чтобы, вновь уткнувшись лбом в дверь, часами слушать тишину за ней. Но мне неожиданно повезло, дверь открылась. Ожидая увидеть Митькиных маму или бабушку, я неожиданно узрел перед собой абсолютно пьяного, заспанного Митьку, который взирал мне в лицо пустыми покрасневшими глазами. Я глубоко вздохнул, чтобы не создавать конфликта, сдержался не заорав, хотя очень хотелось.

– Привет, родители, где? Что-то случилось?

Он ответил как-то глухо и совсем не радостно. Я испугался, что кто-то умер из родни.

– Они сейчас живут на даче. Мама с бабушкой снова решили выращивать картошку и какие-то овощи. В магазине сейчас хрен, что купишь. До середины лета там будут огородничать. – Голос у него был всё такой же бесцветный. Он стоял на пороге, словно не хотел, чтобы я входил. От него разило спиртом.

– Мить, я войду?

– Как хочешь. – Он пожал плечами и отошёл на полшага. Я быстро вошёл, пока тот не передумал. В квартире царил полный бардак. Это было совсем на него не похоже. Одежда, учебники, грязная посуда и несколько початых бутылок «Рябиновой настойки» и «Спирта Рояль» валялись прямо на полу коридора. Словно это была не Митькина квартира, которая всегда сияла чистотой, какой даже у меня дома не было, а бомжатник или притон алкашей. В помещении стоял стойкий запах грязной посуды и спирта.

– Что у тебя происходит? Что случилось? Ты мне не звонишь, избегаешь. Я не допытываюсь, просто за тебя волнуюсь. – Не дожидаясь приглашения, прошёл в его комнату. Там тоже было всё перевернуто. Учебники валялись на полу, часть была порвана, и лежала в углу, словно кто-то бросал их об стену. Возможно, так и было. На подоконнике стояла засохшая герань и несколько грязных стаканов. Это точно была не Митькина комната. Чья-то чужая. Если бы ни Митька, стоящий от меня в двух шагах, я решил бы, что забрёл к его соседу-алкашу.

Осматривая разбросанные вещи, я оглянулся на замершего Митьку, чьё выражение лица было каким-то уставшим и запуганным. Взял его чуть выше локтя, на тот случай, если он начнёт «шуметь» и ругаться.

– Так, рассказывай. – Подвёл к дивану. Он нетвёрдым шагом последовал за мной. – Что произошло? Ты же не пил никогда! – Подумал, может, я делаю скоропалительные выводы. – Это ты пил? Или кто-то к вам приезжал?

– Никого не было. Я пил. Сам. Я каждый день теперь пью. Меня, скорее всего из МГУ отчислят. – Он глубоко вздохнул.

– Почему? Что ты сделал? Ты что-то натворил? Что? Говори уже! – Я не мог сдерживаться. Крепче вцепился ему в руку. Пофиг, если он начнёт орать. Я должен был всё выяснить!

– Я не хожу больше на занятия. Уже месяц. И не буду ходить. Я не могу... Я не могу думать об учёбе.

– В универе что-то случилось? С тобой происходит то же самое, что в школе? Тебя кто-то избил?

Он помотал головой.

– Нет, там всё нормально. Это я сам. Я сам не могу...

Я понял, что произошло что-то очень плохое.

– Так. Давай по порядку. С самого начала. Я вижу, что тебе стоит выговориться. Ты ж себя в унитаз спускаешь. Посмотри на себя, во что ты превратился? Хочешь стать как этот ваш сосед «алконафт»? «Украл, выпил, в тюрьму?»

– Нет! – внезапно его выражение лица сменилось с равнодушно-горестного на испуганно-яростное. – Я его убил! Этого говнюка больше нет, слышишь? Я его убил! Я убил человека! – Он всхлипнул. Я никогда не видел, как плачут мужчины. И после, этого никогда не видел, не считая собственных слёз. Разумеется, даже не понял вначале, что он имел в виду. Как он убил? Да в том мужике весу больше, чем в нас обоих вместе взятых!

– Что? Как ты его убил? Ты в милиции был? Расскажи. Честно, обещаю тебе, я никому не скажу.

Он помолчал какое-то время, затем всё рассказал. Видимо не мог больше держать в себе.

– Я возвращался из универа. Этот бухой козёл опять орал под дверь своей квартиры. Я слышал рыдания его жены, а этот debil бил и бил ногой в дверь. Мама позвонила в милицию. Папы дома не было. Никто из соседей не реагировал. Я вышел и крикнул ему, что мы вызвали участкового. Он на меня замахнулся. Его жена тут же открыла дверь. Может быть, увидела в глазок, что он на меня замахивается. Первым вышел их мелкий пацан... – На этом месте он тяжело, хрипло вздохнул. – Тогда мужик взял и ударил его наотмашь. Тот отлетел на полметра. Маленький ребёнок... мальчик упал и заплакал. Его жена завизжала, схватила сына и попыталась забежать к нам в дверь. Козёл схватил её за волосы и потянул на себя. Я не выдержал. Вышел. Зашёл ему за спину и толкнул его изо всех сил. Не помню, я что-то ему заорал, по-моему, даже матерился. Его жена вырвалась и забежала к нам. Мама видимо в суматохе не поняла, закрыла нашу дверь. Я остался с ним наедине на лестничной площадке. Этот бугай здоровый, ему мой толчок, что мёртвому припарки. Он кинулся ко мне, а я побежал. – Он тяжело вздохнул, прерывая рассказ, затем продолжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.